

ЭКСПАНСИЯ

[ПУТЬ КНЯЗЯ]

АТАКА НА БУДУЩЕЕ

Роман
ЗЛОТНИКОВ

Путь князя

Роман Злотников

Атака на будущее

«Автор»

2007

Злотников Р. В.

Атака на будущее / Р. В. Злотников — «Автор», 2007 — (Путь князя)

Исследуя новый маршрут, диггер Данька провалился в неизвестный тоннель и обнаружил древний артефакт – утерянный фрагмент Ипатьевской летописи. Выбравшись на поверхность, парень задается вопросом: что делать с находкой? Отдать ученым? Продать? Но внутренний голос просит не расставаться со страницей, и вот уже со второй «выгодной сделки» Данька опрометью мчится, сжимая в руках бесценный листок. Что таит в себе найденный текст? Быть может, это ключ к безграничным возможностям или просто искусная подделка. Однако выясняется, что за ним охотятся и официальная власть, и путешественники во времени, и тайная организация людей со сверхъестественными способностями. Тогда ценой артефакта становится... жизнь.

© Злотников Р. В., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Атака на будущее	5
Интермеццо 1	6
1	9
2	16
3	23
4	31
Интермеццо 2	38
5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Роман Злотников

Атака на будущее

Атака на будущее

Пальцы привычно ухватили чашку и поднесли ее к губам. Глоток. Невольная гримаса. Кофе совершенно остыл и превратился в безвкусную, мутноватую коричневую бурду. Короткий взгляд на часы, а затем в окно. Светает. Да-а, вот тебе и профессиональные навыки... Три года журналистской практики – вроде как уже можно научиться связно излагать свои мысли или обрабатывать чужие, а на экране пока ни строчки.

Только в голове крутятся обрывки воспоминаний и перед глазами встают картины прочитанного, заставляя то мотаться на кухню заваривать себе крепкий кофе, то нервно курить у открытой форточки, то просто сидеть, уставившись в мерцающий экран ноутбука...

А ведь какая небрежная улыбочка играла на губах, когда *остальные* отдавали свои испитые листочки. Мол, чепуха – раз плюнуть! Ну подумаешь задача – *вспомнить все*...

Еще один взгляд в окно. Ночь уже подошла к концу, а кто-то из великих призывал: «Ни дня без строчки!» Что ж, поверим...

Короткий вздох. Пальцы коснулись клавиш клавиатуры, и спустя мгновение на экране появилось первое слово...

Интермеццо 1

Он возник из ниоткуда. Всего лишь мгновение назад в небе ничего не было. Только низкие тучи, из которых лениво-небрежно моросил то ли первый весенний апрельский дождь, то ли последний зимний снег. Очень мелкий и мокрый. И вдруг появился ОН.

Человек, иногда интересующийся авиационной техникой, либо просто заядлый любитель авиасимуляторов, скорее всего, опознал бы в этом аппарате когда-то страшно засекреченный, а ныне небывало разрекламированный американский ударный самолет-невидимку F-117 «Nighthawk». Опытный специалист обратил бы внимание на то, что это какой-то необычный «Nighthawk». Но и тот и другой немало озадачились бы тем, что делает этот пресловутый «Nighthawk» здесь, в самом сердце России, над 113-м километром Киевского шоссе.

Между тем три человека, которые в этот поздний (или, вернее, уже ранний) час молча стояли на обочине, появлению этого аппарата ничуть не удивились. Более того, судя по тому, как они оживились, едва в небе возникла эта несуразная угловатая тень, похоже, именно его они и ждали.

Тень почти бесшумно промелькнула над их головами и, заложив разворот где-то там, в ночном мраке под низкими тучами, вернулась уже на гораздо меньшей скорости. Похоже, пилот этого «Nighthawk» был настоящим асом, потому что только настоящий ас смог бы вот так, без приводного маяка, без коррекции с земли всего с одного разворота вывести аппарат на посадочную глиссаду и очень точно притереть его на узкую, неосвещенную асфальтовую полосу, зажатую с двух сторон алюминиевыми разделительными барьерами высотой более полуметра.

Аппарат пробежал по асфальту и мягко притормозил прямо напротив тройки встречающих. Спустя мгновение в левом борту аппарата возникла щель, через секунду превратившаяся в контур проема люка, створка которого начала медленно опускаться вниз, преобразуясь в неширокий трап со встроенными в него ступенями. Наконец трап коснулся асфальта. И почти в то же мгновение в проеме люка, освещенном изнутри тусклым, мягким красноватым светом, после которого глаз проще всего адаптируется к темноте, нарисовалась невысокая, крепкая фигура. Судя по всему, эта фигура имела отношение к силовым структурам и явно занимала там весьма значительный пост. Потому что трое встречающих инстинктивно выровнялись в линию и слегка выпятили грудь. Задержавшись на первой ступеньке трапа, прибывший окинул взглядом окружающий пейзаж (сейчас слабо различимый, но что тут смотреть – лес и асфальт), низкое, нависающее небо, продолжавшее плевать на них снегом и дождем, и начал степенно спускаться вниз.

Шагнув на асфальт, он придиричиво осмотрел встречающих, а затем... переключил лицо в режим широкой белозубой улыбки и, дружески подмигнув, пророкотал:

– What nasty weather you have! Is it common here?¹

– No, it's not, general!² – почтительно ответил один из встречающих и добавил: – It is spring now³.

– Well I mean the same⁴, – кивнул тот, кого называли генералом, – it's spring, but it's as humid and as in winter. If to compare with the weather where I live⁵.

¹ Ничего себе погода! Здесь что, всегда так? (англ.)

² Никак нет, господин генерал! (англ.)

³ Здесь сейчас весна (англ.).

⁴ Вот я о том и говорю (англ.).

⁵ Уже весна, а сыро и холодно как зимой. Если сравнивать с домом, естественно (англ.).

- Exactly, sir⁶, – кивнул все тот же встречающий. Похоже, он был среди них старшим.
- Well, the weather does not matter I think, it won't prevent from our mission. The United States expect us to do our best. We won't let them down will we, my fellows?⁷
- Exactly, sir, – отозвались теперь уже все трое.
- I haven't doubted you⁸, – одобрительно кивнул генерал и, повернув голову, бросил взгляд на три темные машины, припаркованные прямо посередине встречной полосы.
- Are those local means of transport?⁹
- Yes, sir, – вновь ответил старший и, чуть склонившись вперед и снизив голос, тихо произнес: – But the local dialect here is *russian*¹⁰.
- Генерал окинул его насмешливым взглядом.
- Вы полагаете, я этого не знаю? – произнес он уже по-русски.
- Нет, господин генерал... – Старший среди встречающих слегка стушевался.
- Генерал по-отечески похлопал его по плечу:
- Ничего, сынок, спасибо за заботу. – Он вновь повернулся к машинам. – И что вы нам добыли?
- Это автомобили с бензиновым двигателем. Марки «БМВ-735». В этой стране есть небольшой завод на западе, на котором они собираются. Поэтому они не редкость среди местной государственной элиты. К тому же вот, – он указал рукой на автомобильный номер, на котором в углу вместо цифр, обозначающих регион, было изображение Государственного флага России, – с подобным регистрационным номером здесь можно передвигаться совершенно спокойно. Здесь столь высок уровень коррупции, что местные «слуги народа» придумали себе даже особые номера, машины с которыми местной полиции... виноват, милиции останавливать не рекомендуется.
- Генерал нарочито восхищенно цокнул языком.
- И как вам удалось их достать?
- Я их купил, господин генерал.
- Купил?!
- Старший расплылся в улыбке:
- Я же сказал, господин генерал, здесь *очень* высокий уровень коррупции.
- Отлично, сынок, – одобрительно кивнул генерал и, развернувшись к люку, махнул рукой. Тотчас же в проеме появились и начали спускаться по трапу еще несколько фигур. – Я привез одиннадцать ребят. Поместимся?
- Да, сэр. В эти автомобили влезает пятеро.
- Тогда размещаем оборудование в багажных отсеках – и вперед. Надеюсь с... – Генерал на мгновение запнулся, как будто подыскивая определение, но затем тотчас продолжил: – С операционной базой у вас все улажено не хуже, чем с машинами?
- Да, господин генерал, – кивнул встречающий, – я снял два пентхауса в одном из новых высотных зданий. Это по местным меркам элитное жилье. Хотя вы, несомненно, сочтете его довольно отсталым. Но... – встречающий развел руками.
- Ничего, сынок, – усмехнулся генерал, – мне не привыкать к полевым условиям. Надеюсь только, что ты не разорил управление.
- Нет, господин генерал, – старший опять расплылся в улыбке, – цены здесь, конечно, довольно высоки, даже по нашим меркам, но среди значительной части тех, кто причисляет

⁶ Так точно, сэр (*англ.*).

⁷ Ну ничего. Я думаю, это не помешает нам выполнить нашу миссию. Объединенные Государства ждут от нас этого. И мы их не подведем, не так ли, парни? (*англ.*)

⁸ Я в вас и не сомневался (*англ.*).

⁹ Это местные средства передвижения? (*англ.*)

¹⁰ Прошу прощения, сэр, но местный диалект здесь – русский (*англ.*).

себя к местной элите, популярно, м-м-м... – он замялся, подбирая слово, – беспорядочное потребление наркотиков. Так что... мы вполне в бюджете.

Генерал удивленно покачал головой. Местная элита?! Вот уж чего он не ожидал, так этого. Нет, то, что элита время от времени использует различные стимуляторы, было вполне понятно и объяснимо. Ибо бремя тех, кто является элитой общества, невероятно тяжело. И обычных человеческих сил и способностей, что даны природой, а затем развиты и натренированы всей жизнью, время от времени просто не хватает. Если, конечно, это истинная элита, ясно осознающая лежащее на ее плечах бремя... Их исследовательский отдел даже провел по материалам последней глобальной войны серьезное исследование, в ходе которого была выведена зависимость типа принятия решений и формы их реализации от вида и типа стимуляторов, используемых высшим командным составом противоборствующих сторон и их союзниками. Но чтобы, как он понял из сказанного, местная, так сказать, элита как какое-то быдло нюхала, кололась и жрала наркотики, да еще находила в этом некое, так сказать, *элитное* удовольствие... Генерал удовлетворенно кивнул.

– Что ж, похоже, у нас гораздо больше шансов выполнить свою миссию, чем я предполагал изначально.

– Да, господин генерал...

Между тем все прибывшие уже загрузили довольно объемные баулы, которые они выволокли из брюха «Nighthawk», в багажники и расселись по машинам. Двое из встречающих, помогавшие с погрузкой, также заняли свои места в водительских креслах.

Генерал вновь окинул взглядом пустынное шоссе и, полуобернувшись к «Nighthawk», сделал легкое движение ладонью. Трап «Nighthawk» вздрогнул и медленно пополз вверх, закрывая проем люка. Затем «Nighthawk» тронулся вперед, быстро набрал скорость и, оторвавшись от асфальта, мгновенно исчез в ночной тьме. Проводив его взглядом, генерал повернулся к старшему и спросил:

– Вокруг никого?

– Да, господин генерал. Еще около часа. Я... опасался возмущений.

– Ну, как видишь, сынок, мы с этим справились.

– Да, господин генерал, вы были потрясающе точны, – поддакнул старший.

– Илу – прекрасный пилот.

– Так вас доставил сам Илу? – удивился старший с явно заметным благоговением в голосе.

– Я же тебе сказал, сынок, – наша миссия очень важна, – усмехнулся генерал и, повернувшись, неторопливо двинулся к ближайшему автомобилю. Старший рванул вперед и, обогнув генерала по пологой дуге, услужливо распахнул перед ним дверцу. Генерал одобрительно кивнул и опустил свой зад на мягкую кожу кресла. Спустя пару мгновений старший захлопнул дверцу и, окинув настороженным взглядом пустынное шоссе, скользнул за руль. Через несколько секунд все три БМВ одновременно взрыкнули моторами, расцветившись яркими огнями фар и задних габаритов, вывернули колеса и, быстро набрав скорость, ушли в сторону Москвы.

Некоторое время шоссе и окружающий лес оставались пустынными, но затем на опушке внезапно появилась одинокая фигура. Человек вышел из леса, перебрался через алюминиевый барьер ограждения, ловко подобрав полы длинного плаща, и, поправив висящую на плече небольшую котомку, присел на корточки, что-то разглядывая на асфальте. Хотя что там можно было разглядеть в такую темень, да еще и под этим уныло моросящим дождем? Но человек, как видно, все-таки что-то разглядел. Потому что спустя минуту он выпрямился и, вновь поправив котомку, мерным неспешным шагом двинулся на север, в сторону Москвы, туда, куда несколько минут назад уехали три БМВ...

1

На первую пару Данька опоздал. Нет, проснулся он вовремя (ну, почти) и вышел как положено (правда, держа бейсболку в зубах, застегивая на ходу ремень и стараясь не наступить на болтающийся шнурок левой кроссовки). Так что теоретически у него действительно были все шансы успеть к первой паре. А куда деваться? Михаил Ааронович (естественно, имевший прозвище Макароныч) слыл среди студентов настоящим «зверем», поскольку не только гонял всех на зачетах и экзаменах, но и рьяно отслеживал присутствие на лекциях и даже совал нос в конспекты. Но тут позвонил Билл... То есть это потом выяснилось, что звонит Билл. А в тот момент Данька, как раз присевший у бордюра, чтобы завязать этот проклятый шнурок (когда сбегал по ступенькам – чуть не грохнулся), вздрогнул от звука телефона, противно заверещающего в рюкзаке. Вот черт, опять забыл отключить звук. А ведь Макароныч уже предупреждал, что тот, у кого на лекции зазвонит мобильник, может даже не появляться на зачете. Данька чертыхнулся про себя, пальцы дернулись (от чего проклятый шнурок затянулся в узел), и, ругнувшись уже вслух, потянул из-за спины рюкзачок...

– Джавецкий, сегодня в три в сквере у Малого.

У Даньки екнуло под ложечкой.

– Билл, у меня до полтретьего лекции.

– Твои проблемы, – отрезал Билл и отключился.

Данька уныло сморщился и бросил взгляд на отключившийся мобильник. Вот так он всегда. «Твои проблемы, твои проблемы...» А если у людей времени нет? Данька сунул мобильник в рюкзак и, покосившись на предательский шнурок, решительно выпрямился. Так – на первую пару все равно опоздал. Уже десятый час, и Макароныч в аудиторию все равно не пустит. Да и не до лекций теперь. Во время прошлого *погружения* у него окончательно сдох аккумулятор налобника, а новый он за неделю купить так и не удосужился. Значит, теперь нужно срочно мчаться в центр и покупать. Конечно, будь у него время, он бы метнулся на Горбушку, там всяко дешевле, но аккумулятор надо еще успеть зарядить, и все это до трех, вернее, до двух – к Малому надо успеть вовремя, потому что у Билла не забалуешь. Пять минут опоздания и – фьюить! Гуляй, Вася... Так что день сегодня спланировался сам собой. Хотя... хоть какое-то облегчение.

Когда Данька ввалился в комнату, Анзор, которого «колбасило после вчерашнего», отчего он с утра даже не рассматривал вопроса своего присутствия на занятиях, приподнял голову и удивленно уставился на него.

– Чего случилось?

– Да-а... – Данька махнул рукой, – погружение у нас сегодня. Надо срочно лететь за аккумулятором.

– А-а, – понимающе кивнул Анзор и вновь удобно устроился на кровати, аккуратно уложив затылок на сцепленные руки и устремив взгляд в потолок.

– Не понимаю я тебя, Данька. И чего такого интересного в этом твоём диггерстве, да (ну, было у него такое слово-паразитик)? Вонь, грязь, темнота... – Когда Анзору было нечего делать, он любил пофилософствовать. – ...И вообще, занялся бы чем-нибудь полезным, да...

Полезным в понимании Анзора было то, что приносило деньги. Он вообще отличался деловым подходом к жизни. Например, возвращаясь с каникул, он всегда вез с собой баул-другой, набитый фруктами, бастурмой и домашним вином. Каковые выгодно пристраивал по землякам, торгующим на рынках. Впрочем, жадиной Анзор не был, и первую неделю после каникул вся их секция с удовольствием наворачивала домашнюю бастурму и запивала ее молодым вином.

– ...хоть бы газеты продавал, что ли, да?

Данька уже давно научился не обращать внимания на разглагольствования Анзора, но предположение, что какая-то там продажа газет круче, чем диггерство, его задела.

– И ничего там не воняет. И вообще, мы открываем неизвестные страницы истории страны, укрытые в глубинах земли, – привычно выдал Данька заученный набор фраз.

– Неизвестные страницы стоит открывать, когда ознакомился с известными, да, – настаивательно воздев палец, заявил Анзор. – Ты вот в Москве уже второй год, а разве в Третьяковке был? Или в Коломенском, да?

Данька скуксился. Дело в том, что он еще в первую неделю, когда их с Анзором поселили в одной комнате в общежитии, развернул перед соседом обширную программу своей культурной жизни в столице. И в Третьяковку он, мол, обязательно ходит, и в Политехнический музей, и в Кремль... ну и так далее. Но за прошедшие полтора курса эта программа оказалась выполнена едва на десять процентов. Все время находились какие-то дела, и жутко не хватало времени...

– А ты? – огрызнулся Данька.

– А я и не утверждаю, что открываю для себя какие-то там страницы истории, да. Мне вполне хватает и тех, которые я уже открыл, – рассудительно заявил Анзор, – у меня другие интересы, да.

– Это какие же? – ехидно поинтересовался Данька. – По ночным клубам шляться?

Анзор картинно вздохнул и патетически вскинул руки.

– И вот с этим глупым и малообразованным человеком я живу! Поймите, уважаемый Даниил, в ночных клубах и на шумных дискотеках я не просто убиваю время и спускаю денежные эквиваленты стоимости моего труда и труда моей семьи. Я... изучаю людей!

Неизвестно сколь долгим оказался бы начатый монолог, но в этот момент из-под головы Анзора раздались звуки музыкальной темы из сериала «Бригада». Анзор тут же вскинулся и, выудив из-под подушки мобильник, прижал его к уху.

– Алло? Да, дядя... – и тут же перешел на армянский.

Данька хмыкнул и, закинув освобожденный от конспектов рюкзачок за спину, выскочил за дверь. В сквере у Малого Данька появился, когда Билл уже начал инструктаж. Данька потихоньку присоединился к группе, скорчил умоляющую рожу покосившемуся на него Биллу и замер, исподтишка оглядываясь. Так – Веня, Лысый, Гаджет, Немоляева, Барабанщица (вот черт, и эта язва здесь, хоть бы одно погружение пропустила)... а Кота не видно. Его и в прошлый раз не было. Завязать, что ли, решил? Впрочем, Кот мог себе позволить пропустить пару-тройку погружений. Он пришел в диггеры вместе с Биллом и потому имел некоторый авторитет. Даже иногда ходил лидером.

– ...плотной группой. Маршрут новый, нехоженный. Смотреть в оба. Все понятно?

Народ утвердительно загудел. Билл высокомерно кивнул (он всегда держался этак высокомерно-отстраненно) и, внезапно развернувшись к Даньке, бросил на него строгий взгляд.

– Джавецкий, аккумулятор поменял?

Данька слегка порозовел. Аккумулятор-то он купил, но зарядить его полностью так и не успел. Заряда должно хватить в лучшем случае на пару часов работы. Даньке не хотелось выглядеть в глазах окружающих человеком необязательным и безалаберным. Да и о сегодняшнем погружении, если скажешь правду, можно забыть. У Билла с этим строго: не готов – не идешь. А значит, все усилия сегодняшнего дня окажутся бесполезными. Поэтому Данька напряг все свои актерские способности и, добавив в голос толику возмущения (ну как ты мог сомневаться), ответил:

– Ну конечно, Билл!

Тем более что формально ответ был чистой правдой. Ведь аккумулятор в налобнике действительно был новье...

Пока они шли переулками, Данька нагнал Гаджета и, дернув его за рукав, тихо спросил:

– Привет... А чё такая спешка-то?

– Привет... – отозвался Гаджет, – да вроде как маршрут новый открылся. Слышал, в пятницу на Маросейке провал образовался? Вот из-за него.

– Ну и чё? – пожал плечами Данька. – Мало ли таких провалов? И чё, по каждому ходить?

– Так этот – по старым «норам», – округлил глаза Гаджет, – вроде как еще царским. Ходят слухи, что там уже Конь шлялся со своими. Тако-ое рассказывают... Если правда, то такой маршрут долго открытым не останется. Тут же «дятлы» перекроют.

– А-а, – понимающе кивнул Данька и замолчал, обдумывая услышанное. В принципе все складывалось вполне удачно. Если маршрут новый, то надолго они туда не полезут. Билл всегда был лидером осторожным. А значит, заряда аккумулятора вполне должно было хватить на все погружение.

– Слышь, – встрепенулся Гаджет, – я тут один гаджет для мобилы видел. Отпад!

Но затянуть обычную шарманку, из-за которой он и получил свое прозвище, ему не дал Билл. Он обернулся и строго уставился на Гаджета. Тот сразу увял.

Вниз они полезли через знакомый всем дигтерам подвал одного из старинных купеческих домов, затерявшихся в многочисленных старомосковских переулочках. Это только непосвященным кажется, что дигтеры опускаются в подземелье исключительно через обычные канализационные люки, да еще расположенные посреди оживленной улицы. На самом деле «входы» (даже те же самые люки) обычно располагаются в довольно укромных местах. Ну не переться же через весь город в непромокаемой робе и каске с налобным фонарем на голове. Так что все снаряжение приносят к месту входа в рюкзаке или сумке и только там надевают. А «цивильную» одежду, наоборот, прячут в мешок, предварительно упаковав в герметичный целлофан. Ибо, что бы там Данька ни говорил Анзору, в «норах», мягко говоря, пахнет. И возвращаться в метро, старательно делая вид, что не замечаешь, как люди вокруг тебя зажимают носы и отворачиваются, не очень-то приятно...

Когда они переоделись, Билл остановил группу и придирчиво осмотрел каждого.

– Так, включить налобники... Лысый, Барабанщица – фонари... Гаджет – лопата... Веня, топорик?... Отлично... Джавецкий, веревку взял?... Ну-ну... Двинули.

И они двинули.

Первые триста метров маршрут был знакомым и не раз хоженным. Затем они свернули влево, прошли один из старых коллекторов и двинулись, так сказать, нехоженными тропами...

Спустя час Гаджет, очередной раз провалившись в какую-то яму, остановился и, усевшись на выступавший из стены древнего хода камень, принялся развязывать ботинок, бурча под нос:

– Нет, ну на хрен мне такие приключения? Тоже мне, древние ходы... пыль, песок, корни в рот лезут. Лбом аж два раза приложился. В ботинках уже пять килограммов песка... А Билл прет как заведенный. Похоже, Конь нас всех поимел...

Данька, который тоже вымотался от этого бессмысленного протискивания сквозь полузасыпанные ходы и галереи, присел рядом, прислонившись спиной к холодной стенке хода. Во рту он чувствовал противный привкус. Пять минут назад, минуя очередное сужение, он неудачно вдохнул и втянул ртом свешивающегося сверху дождевого червяка. Нет, червяка-то он выплюнул почти сразу, но привкус остался и, сколько он ни сплевывал, никак не желал проходить. К тому же где-то рядом располагался старый канализационный коллектор, и почва вокруг явно пропиталась фекалиями. Так что пахло тоже... не очень.

– Ладно, – буркнул Гаджет, покончив со вторым ботинком, – двинулись. И так уже отстали вон как. Сейчас Билл нам такого навставляет...

– Да он и не заметит, – отозвался Данька, – прет, как лось. К тому же, зуб даю, за тем поворотом опять сужение и народ всем скопом пропихивает Немоляеву. Вон, гляди, отсветы от фонарей.

Гаджет хохотнул.

– Да уж, с Танькой мы повозились...

Однако их надеждам не суждено было сбыться. За поворотом коридор, наоборот, резко расширился, а еще метров через двадцать вообще разделился на три. А свет, принятый ими за отсветы фонарей, лился из какой-то дыры сверху, которая перекрывалась слабо колышущимся на сквозняке клубком корней.

– Да-а, дела, – озадаченно протянул Гаджет, – и куда это Билл смотрит? У него, можно сказать, полгруппы отстало, а он...

– Я ж тебе сказал – прет, как лось, – уныло отозвался Данька, – это у него, считай, первый новый ход за три года. Мне Кот рассказывал. Вот он и рванул.

– И чё будем делать? – задал вопрос Гаджет.

Данька пожал плечами.

– Не знаю. Ждать надо... Рано или поздно Билл заметит, что нас нет, и вернется.

– И такого нам навалиет... – констатировал Гаджет. Что было совершеннейшей правдой. Остановки на погружении делались только по решению лидера. Либо, в случае чего-то экстраординарного, с обязательным оповещением старшего и по его разрешению. Причем останавливалась вся группа. Вместе. А они остановились самостоятельно, да еще и не сообщив лидеру. За это дело их вполне могли и даже должны были вышибить из группы. Впрочем, после сегодняшнего погружения подобное наказание как-то не казалось им такой уж трагедией, но это означало, что надо было снова придумывать себе какое-нибудь увлечение. К тому же слух о том, что ты не сам ушел, а тебя вышибли из группы, тоже не добавлял авторитета среди приятелей и (что едва ли не важнее) приятельниц. Как имеющих, так и потенциальных. Уж поверьте, всегда найдутся люди, готовые совершенно бескорыстно рассказать о тебе всякую гадость...

От подобной перспективы оба слегка посмурились.

– Слушай, – вскинулся Гаджет, – а чего просто сидеть? Давай по-быстрому обследуем ходы. Билл явно ушел по какому-то одному из них. А два других еще не хожены. Вдруг обнаружим чего интересное. И с Биллом тогда легче договориться будет.

Данька поежился. Правила гласили, что отставшие члены группы должны оставаться на месте и ждать, пока группа вернется за ними назад по маршруту. С другой стороны, судя по всему, они действительно крупно навались, и если не произойдет чего-то необычного, то от исключения им не отвертеться. Он вздохнул. Нет, ну надо же было так вляпаться! Сегодня точно не его день. И к Макаронычу не попал, и отстал вот... Перед первым погружением Билл заставил их выучить наизусть правила, и поначалу они делали все как надо. А потом, спустя полгода, почувствовав себя крутыми диггерами, потихоньку расслабились. Притормозить, чтобы вытряхнуть песок из ботинка или заглянуть в боковое ответвление, стало уже вроде как в порядке вещей. Мол, все эти правила для сосунков, а мы уже ого-го... Вот и навались...

– Ну так чего, идем?

– А правила?

– Да мы недалеко. К тому же единственный шанс договориться с Биллом – только если мы действительно что-то отыщем. А то – все, кранты!

– А если, пока нас не будет, ребята как раз вернутся?

Гаджет задумался.

– А давай так – сначала я схожу, а ты здесь покараулишь, а потом ты.

Лезть в незнакомый ход в одиночку вообще было полным идиотизмом, но Даньке в тот момент подобный расклад показался наиболее приемлемым. В конце концов, Гаджет мог обнаружить что-то интересное сразу же, и ему, Даньке, не придется никуда лезть...

Гаджет вернулся буквально через пару минут. Страшно недовольный.

– Там завал... и лужа, – сообщил он, – я ногой вляпался. Ботинок полный. Так что давай, иди, а я хоть воду вылью и носок выжму.

Данька молча кивнул и уставился на два оставшихся хода. Интересно, в какой двинулся Билл? Не хотелось бы встретиться с ним лоб в лоб и принять на себя первую, самую горячую порцию его недовольства.

– Ну, чего ты? – послышался из-за спины голос Гаджета. – Лезь в правый. Если ходов больше двух, Билл всегда прет в центральные, считает, что боковые ведут в тупики и их можно будет обследовать позже, когда «пробьет» весь маршрут.

– Угу, – буркнул Данька и нехотя двинулся в правый ход.

Первые метров восемь ход сужался, и Данька даже с облегчением подумал, что скоро протиснуться дальше будет невозможно и он со спокойной душой вернется к Гаджету, но ход вдруг резко расширился и после поворота вывел Даньку во что-то вроде небольшого коллектора. Данька остановился и огляделся. Слева и справа в стенах расширившегося хода виднелись две небольшие ниши, а впереди смутно вырисовывалась арка, ведущая в следующий коридор. Правая ниша была почти пуста – лишь на небольшом каменном выступе, расположенном в верхней ее трети, виднелся какой-то буро-зеленый комок (Данька видел такие на снимках, которые показывал Билл, считалось, что это окончательно изъеденные ржавчиной металлические предметы – молотки, лампы, подсвечники или что-то еще), в левой на полу лежала какая-то куча. Данька попытался разглядеть, что там такое, не приближаясь, но, похоже, аккумулятор выбрал как раз этот момент, чтобы объявить о том, что он разрядился. Луч налобника изрядно ослаб и пожелтел. Данька вздохнул, сделал шаг вперед, другой и... вздрогнул. В нише, среди кучи истлевшего тряпья и всякого мусора, отчетливо белела решетка человеческих ребер. Данька отшатнулся, зажал рот рукой и отвернулся. Нет, ну надо же... похоже, он таки нашел нечто интересное, но... лучше бы это сделал Гаджет.

– Эй, старый, ну чего там? – послышался громкий голос Гаджета.

Данька поморщился. Ну вот, еще и это... Знает же, что при погружении шуметь нельзя.

– Сейчас... – нехотя отозвался он. В принципе можно было возвращаться. Позиции для переговоров с Биллом вырисовывались вполне устойчивые. Ясно, что по этому ходу группа не проходила, поскольку в трухе, покрывавшей пол, отпечатались следы только его, Данькиных, ботинок. Но для очистки совести следовало еще заглянуть под арку. Данька вздохнул и, старательно отворачиваясь от ниши с человеческими останками, сделал шаг вперед...

* * *

Очнулся он в полной темноте. Что произошло, когда он шагнул вперед, Данька помнил смутно. Что-то противно заскрипело, камни под ногами внезапно стали опускаться, Данька судорожно взмахнул руками, засучил ногами, но пол внезапно встал совершенно вертикально, и Данька рухнул вниз, чувствительно приложившись подбородком.

Приземлился он на куче песка и какой-то трухи, больно расцарапав ладонь. Под ним что-то противно хрустнуло. От сотрясения фонарь совсем потух, и Данька испуганно замер, затаив дыхание и слепо вращая в темноте глазами. В этот момент сверху послышался приглушенный крик Гаджета, и сразу вслед за ним звук осыпающегося песка и стук камней. Данька испуганно отпрянул в сторону, чихнул, стукнулся головой о невидимую в темноте стенку, отчего фонарь внезапно зажегся, высветив выщербленную кладку и покореженную, почти превратившуюся в труху небольшую дверцу. А в следующее мгновение сверху обрушился настоящий поток песка и земли, и Данька с перепугу протаранил каской дверцу и ввалился куда-то на четвереньках, сверзившись с высоких каменных ступенек, начинавшихся сразу за дверцей...

Очнувшись, Данька подвигал руками и ногами. Вроде все цело. Болели бок и расцарапанная рука, ныл локоть. Похоже, здорово приложился, когда кувыркнулся... Данька поднял

руку и, нащупав выключатель налобника, повернул его, запоздало осознав, что тот уже был включен. А сие означало, что аккумулятор окончательно сдох. Данька вздохнул и замер, не столько даже прислушиваясь, сколько всей кожей осязая обступившую его темноту. Было тихо. Откуда-то слева тянуло холодом. Это хорошо. Внизу, под землей, важно любое движение воздуха – значит, есть воздухообмен и смерть от удушья ему не грозит. Во всяком случае, в ближайшее время...

Данька еще некоторое время сидел, молча вслушиваясь в темноту, а затем осторожно поднялся на ноги и, минуту постояв, двинулся вдоль стены, касаясь ее рукой. Ступеньки, с которых он свалился, были полностью засыпаны обвалившейся породой. Данька тщательно ощупал длинный песчаный язык, закрывший лесенку, вздохнул, обогнул его и двинулся дальше.

Спустя пять минут он вновь уткнулся в гору песка. Как выяснилось, помещение, в котором он оказался, было круглым. На какой высоте находился потолок, выяснить не удалось. Во всяком случае вытянутая вверх рука до потолка не доставала. А прыгать Данька побоялся – в такой обстановке можно запросто подвернуть или сломать ногу. Судя по результатам ощупывания, проем входа был полностью забит песком и камнями. Вдоль круглых стен располагалось несколько ниш, но ощупывать их на предмет содержимого Данька пока поостерегся (а ну как и там обнаружатся кости?). И как отсюда выбираться?

Данька присел и вытер лоб рукой (или, скорее, размазал по лбу скопившуюся грязь). Надо было решать, что делать. Ждать, скорее всего, бесполезно. Похоже, обвал случился нехилый, на несколько десятков тонн породы. Вручную подобную гору разгрести придется несколько месяцев, а технику сюда не подогнать. И это означает, что если он будет просто сидеть, ожидая помощи, то, скорее всего, умрет от голода и жажды. Но как выбираться, он тоже не представлял.

Некоторое время он сидел, ожидая, не придет ли в голову какая-нибудь толковая мысль, а затем встрепенулся и стянул со спины рюкзачок. В принципе особо рассчитывать было не на что, уж слишком глубоко, но... а вдруг?..

Когда он разблокировал мобильник, экранчик осветился, озарив его убежище (или темницу) рассеянным призрачным светом. Данька впился взглядом в экранчик и разочарованно скривился. Поля не было. На всякий случай он попытался прозвониться хоть кому-нибудь, но все было бесполезно. Данька опустил руку с мобильником и зло всхлипнул. Нет, ну надо же было так вляпаться... Но в следующее мгновение ему в голову пришла еще одна мысль, от которой он живо вскочил на ноги и поднял над головой руку с телефоном. Пара нажатий на клавиши – и помещение вновь озарил призрачный свет. Данька взгляделся и невольно присвистнул. Ого! Прямо посередине круглой комнаты возвышался постамент, на котором на небольшой подставке покоилось нечто, напоминающее деревянную шкатулку. Шкатулка была покрыта густым слоем пыли. В этот момент экранчик мобильного потух, и в помещении вновь воцарилась тьма. Но это было уже неважно. Данька сделал шаг, другой и уперся пальцами в постамент...

Шкатулка оказалась довольно тяжелой. Она была обита металлическими полосами и когда-то закрывалась на маленький висячий замочек, сейчас превратившийся в металлическую труху. Когда Данька растер этот комочек между пальцами и с некоторой натугой приподнял крышку, то в призрачном свете мобильного увидел внутри деревянный же пеналец. Пеналец когда-то был обвит полосками кожи и густо залит воском, но сейчас от кожи почти ничего не осталось. Да и воск весь потрескался. Данька осторожно извлек пеналец из шкатулки и принялся тупо его разглядывать, время от времени давя на кнопки мобильного, чтобы не гас экран. Наконец это занятие ему надоело, и он, сунув пеналец в рюкзачок (если выберусь – рассмотрю получше), принялся оглядываться по сторонам. Отверстие, из которого тянуло холодом, обнаружилось прямо над постаментом. Данька некоторое время пытался рассмотреть, что там внутри, но свет мобильного был слишком слаб, чтобы эта попытка имела хоть какие-

нибудь шансы на успех. Так что он выключил телефон, сунул его в нагрудный карман куртки, надел рюкзачок и решительным движением ухватился за шкатулку.

Шкатулку он скинул легко, а вот подставка, несмотря на скромные размеры, оказалась жутко тяжелой. Из свинца, что ли, сделана...

На постамент он забрался не с первого раза. Нет, вскарабкаться было легко, но вот удержаться наверху на подгибающихся от усталости ногах решительно не удавалось. Наконец Данька, вытянув руки, кончиками пальцев ухватился за края отверстия. И замер, тупо соображая, что же делать дальше...

А дальше пришлось отцепить одну руку, извлечь из кармана мобильник, и в его призрачном свете рассмотреть узкий колодец, а вернее, даже лаз, ведущий вверх. Это был шанс.

Следующие несколько часов Данька, стянув с плеч куртку и завязав веревкой рукава и воротник, таскал этим импровизированным мешком от завала к постаменту песок и камни, насыпая горку, с которой он мог бы влезть в открывшийся лаз. Натасканная им куча позволила влезть в колодец где-то по грудь, потом он нащупал руками выступ и, выудив из рюкзака остатки веревки, сделал пару петель. Накинув петли на выступ, он ухватился за него одной рукой, а второй вдел в петлю коленку. Опершись коленкой на петлю и помогая себе руками, он приподнялся и всунул в ту же петлю ступню другой ноги. Спустя пару минут и с вездесущей «матерью» ему удалось выпрямиться и всунуть ступню во вторую петлю. Еще рывок... и он уже в колодце...

Через несколько метров колодец начал плавно изгибаться в сторону, и ползти по нему стало легче. Впрочем, сил у Даньки уже не осталось. Руки и ноги двигались как чужие, живот, казалось, прилип к спине и терся о позвоночник, отчего им обоим было хреново, а рот и вся носоглотка превратились в кусочек пустыни Сахара. Но Данька упорно полз вперед, не слишком представляя, куда выведет его этот лаз, потеряв всякое ощущение времени, пока впереди не замаячил какой-то свет и не послышались голоса людей. Выщербленная стенка внезапно кончилась, и Данька рухнул на какую-то поверхность, оказавшуюся на пол-локтя ниже отверстия лаза...

2

– М-м... позвольте?

Полковник Кузнецов поднял голову и, широко улыбнувшись, кивнул:

– Конечно, профессор, проходите.

– Благодарю вас, – дверь, из-за которой торчали только голова и часть плеча, распахнулась, и посетитель вошел в кабинет. Пока он двигался от двери к столу, руки полковника привычно собрали со стола все те распечатки, которые он до этого просматривал, и быстро разложили их по папкам. В этом не было никакого недоверия к посетителю. Только привычка, выработанная долгими годами службы. Все, что у тебя на столе, не предназначено для чужих глаз...

– Присаживайтесь, Петр Израилевич.

– Да-да, благодарю, – кивнул посетитель, – прошу прощения, что вот так... и, возможно, не совсем по адресу, но... – профессор несколько смущенно развел руками. Видно было, что он серьезно взволнован.

– Дело в том, что в нашей работе возникли непредвиденные обстоятельства.

– И какие же?

– Нас лишают возможности работать!

– Вот как?

– Да-да, представьте себе. Буквально полчаса назад подъехал некий весьма неприятный гражданин и заявил, чтобы мы сворачивались. Они-де собираются отремонтировать провал и восстановить дорожное полотно.

Полковник Кузнецов улыбнулся.

– Извините, профессор, но, как мне кажется, этого следовало ожидать. Неужели вы думаете, что провал, образовавшийся на одной из самых оживленных московских магистралей и снизивший ее пропускную способность почти в три раза, долго останется незаделанным?

– Но это же совершенно невозможно! – всплеснул руками профессор. – Мы же на пороге уникальных открытий! Вы слышали о библиотеке Ивана Грозного? – напористо начал он.

Полковник заинтересованно качнулся вперед.

– А при чем здесь эта легенда?

Профессор вздернул подбородок.

– Смею утверждать, что, вполне вероятно, мы нашли царскую библиотеку. Да-да, – профессор утвердительно кивнул головой, – дело в том, что образовавшийся провал открыл проход не просто в старую канализацию, для коей использовались некоторые природные пустоты кремлевского холма. А в некие... – профессор запнулся, будто слова, которые он собирался произнести, его слегка смущали, но затем решительно закончил, – тайные хранилища.

Полковник вежливо улыбнулся. Энтузиазм профессора, старавшегося предотвратить свертывание работ, слегка забавлял его.

– И на основании чего вы сделали подобные выводы?

– А вот посмотрите, – воодушевился профессор и, открыв кейс, зашуршал бумагой. – Вот, полюбуйтесь, – с некоторой натугой произнес он, аккуратно опуская на стол массивный подсвечник, – церковная бронза, точно не моложе середины XVI века, а скорее всего, старше. Точную датировку на месте произвести затруднительно. Найден в нише одного из гротов. Ну... там, где мы обнаружили искусственно прорубленные переходные арки.

Полковник внимательно уставился на стоящий перед ним раритет. На его вкус, вещь не принадлежала к числу шедевров. Для этого она была слишком грубой, массивной и не очень хорошо обработанной. Этакий средневековый ширпотреб, выпускавшийся более-менее круп-

ными партиями. Но из всех найденных предметов профессор почему-то приволок в его кабинет именно этот подсвечник.

– Не понимаете? – разочарованно протянул профессор.

Кузнецов картинно-смушенно пожал плечами. Профессор неодобрительно покачал головой.

– Да уж, Алексей Юрьевич, от вас я этого не ожидал. Мне казалось, что на вашей работе, э-э, так сказать, в органах, просто необходим аналитический склад ума.

– Ну и на чем же я так прокололся, Петр Израилевич? – Полковник сокрушенно вздохнул.

– Да вот же, – профессор снисходительно указал на подсвечник, – извольте видеть, подсвечник. Причем, судя по размерам, месту расположения, следам копоти и всему остальному, что нам удалось обнаружить, он есть, так сказать, штатное оборудование помещения.

– И что? – усмехнулся Кузнецов. – Насколько мне представляется, под землей довольно-таки темно. Так что подсвечник там совсем не был бы лишним.

– Да нет же! – профессор всплеснул руками, негодуя на недогадливость своего визави. – Вы поймите, в подземелье подсвечники – совершенно не на своем месте. Особенно если вспомнить, о каком периоде идет речь. В те времена даже используемые в, так сказать, повседневной деятельности казематы и иные подземные помещения освещались исключительно факелами. В лучшем случае те, кто спускался, несли с собой масляную или свечную лампу. Но даже в богатой тогдашней Европе это скорее исключение, чем правило... А подсвечник в качестве штатного оборудования – это нонсенс! За одним-единственным исключением. *Если* там не работают с рукописями... книгами.

Полковник задумался.

– Значит, вы считаете...

– Ну да, ну да, – закивал головой профессор, – несомненно, нужно не сворачивать, а наоборот, развернуть еще более широкомасштабные поиски. Я боюсь сглазить, но у меня есть ощущение, что мы вполне можем обнаружить если не всю, то какую-то значительную часть легендарной библиотеки!

Алексей Юрьевич откинулся на спинку кресла.

– А не просветите ли, профессор, почему она столь знаменита?

– О-о, – профессор покачал головой, – это, знаете ли, такая история... прямо из разряда мифов. На самом деле основу этой библиотеки составляет приданое, так сказать, бабки Ивана Грозного, византийской царевны Софьи. Очень, знаете ли, интересная личность. Современными историками совершенно недооцененная. А ведь то, что Россия в последующем смогла преодолеть Смутное время и не только выжить и не распасться, а осознать себя, как говорится, как Третий Рим, во многом ее заслуга. Потому что эта девочка не только очень ловко обвела вокруг пальца своего, так сказать, опекуна, римского папу Павла II, но и привезла в качестве приданого именно то, что требовалось тогда молодой и только-только освободившейся от монголо-татарской зависимости Московии. А именно – знания и... людей. Причем, судя по некоторым косвенным оценкам, знания колоссальные! Не забывайте, она была наследницей великой Византии! Вообще-то уникальное государство было, я вам скажу... – профессор оживился. Похоже, он сел на своего любимого конька. – Ведь Византия не проходила, как все остальные великие государства до нее и после, путь роста, возвеличивания в тяжелой борьбе с сильными врагами, а сразу вознеслась на вершину тогдашнего мира. Причем Восточная Римская империя наложила, так сказать, лапу на все главнейшие сокровищницы знаний того времени. Не говоря уж о самом Риме, поскольку Константинополь, как вы знаете, построил именно римский император Константин, первый христианский император Рима, несомненно, переправивший в новую столицу немалые духовные и научные сокровища. Именно в Византийской империи до самого ее завоевания арабами и, увы, уничтожения располагалась знаменитейшая Александрийская библиотека. Ее же частью, а отнюдь не частью Западной Римской империи была и

легендарная Эллада со своими уникальными научными и философскими школами. Под эгидой византийских императоров проходили и первые, я бы сказал, наиболее продуктивные Вселенские соборы. Ибо в то время раскольники-католики во главе с епископом Рима еще не откололись от единой церкви...

А уж о таком уникальном явлении, как Святой Афон, я и не говорю. Как вы знаете, во времена Средневековья, особенно раннего и среднего, именно монастыри были сосредоточием знаний, а на небольшом полуострове Афон в лучшие времена действовало до трехсот монастырей! Представляете, какой там была концентрация научной и духовной мысли! Даже в современности такого пока достичь не удалось!

Профессор поставил локти на стол и, уперев подбородок в сплетенные пальцы, мечтательно прикрыл глаза.

– Да уж, удивительное, я вам скажу, было время... И решение Софьи отправиться на далекий север, в дремучие леса, к тем, кого в просвещенном мире считали дикими и малообразованными варварами, бывшими данниками еще более варварских кочевников, просто поражает. Это сейчас, зная, чем Россия стала впоследствии, ее поступок может казаться объяснимым, но тогда... – Профессор всплеснул руками. – Знаете, многие говорят, что она выбрала Россию, потому что, мол, сразу же расценила ее как неким образом наследницу Византии. Но это же глупость! Те, кто так говорит, совершенно не представляют себе реалий тех времен. Блистательная Киевская Русь, с коей желали породниться многие европейские правящие дома, – в прошлом. Она растоптана монгольскими копытами. О ней забыли! А реальность... представьте – дикая, холодная и все еще во многом раздробленная страна. Не слишком большая. Даже многие немецкие княжества, входящие в Священную Римскую империю, и по населению поболее, да и побогаче будут. Да и Польша куда как сильнее и значительнее. К тому же если речь о наследнице православной Византии, то вот, пожалуйста, рядом – Литва, страна также и крупнее, и сильнее Московии, во многом, впрочем, из-за того, что за время ига присоединила к себе все южные и западные провинции Киевской Руси. Причем вкупе с самим Киевом. Именно ее тогда на Западе воспринимали как правопреемницу Киевской Руси, потому как была она в то время тоже страной русской... то есть русскоязычной и православной. А Московия... – профессор пожал плечами, – это была скорее окраина, или, – тут профессор хохотнул, – как тогда говорили – *украина* и русского, и православного мира. Она никого особенно не интересовала...

– Но... я слышал, что это было решение папы...

– Ай, бросьте, – профессор пренебрежительно махнул рукой, – знаем, читали, мол, самый значительный проигрыш папы Павла II. Глупости. Вы только вспомните, кто она и откуда! Византийская царица! Самый древний и блестящий двор тогдашней Европы! Слегка, конечно, к тому времени померкнувший и поблекший, но дух, атмосфера, школа! Да она с молоком матери впитала вкус и привычку к интригам. И учителя у нее были явно блестящие. Так что все эти интриганы во дворце святого Петра ей на один зуб. Достаточно проанализировать ее поведение. Сначала все усилия папы разыграть ее карту, то есть пристроить ее к какому-нибудь европейскому двору и поиметь с этого некие свои выгоды, *отчего-то* оканчиваются пшиком. А ведь интересные расклады у папы были, о-очень интересные... А затем, когда у мелкого князька на окраине мира... Ведь для тогдашней Европы что Московия, что, скажем, Китай – понятия одинаковой отдаленности. Правда, Китай – важный торговый партнер, поставщик уникальных товаров, а мне-э-э... москвиты – так... меда, мехов и дегтя в тогдашней Европе и своих было немало. И русские брали только за счет, так сказать, демпинговых цен. Так вот, когда в голове мелкого окраинного князька откуда-то возникает мысль породниться с наследницей пусть и рухнувшего, но все-таки Второго Рима, вдруг как-то очень резво все складывается. И царица Софья смиренно выполняет волю своего опекуна. Правда, образец смирения

она только до границ своего будущего царства, а потом сразу же показывает зубки. И весь вроде как хитрый расчет папы тут же летит в тартарары...

Профессор вдруг замолчал, а потом, задумчиво покачав головой, продолжил:

– Существует легенда, будто Софья не просто так выбрала Россию. Что было некое пророчество афонских монахов... или монаха, свидетельства о сем очень скудны... о том, что именно через некую «страну Рус» и воцарится, так сказать, на земле Царство Божие. Так что вполне возможно, на выбор царевны повлияли как раз монахи, которых было немало в ее окружении. В том числе и со Святого Афона. И как раз этим и объясняется этот ее, так сказать... странноватый выбор. То есть она не просто выбирала, а шла вслед за пророчеством и к нам сюда прибыла с неким, если можно так выразиться, проектом «Россия», который непременно должен был осуществиться.

Кузнецов удивленно вскинул брови.

– Извините, профессор, как вы сказали?

– Что? Э-э, не понял?

Полковник покосился в сторону книжного шкафа и хмыкнул. Проект «Россия»... надо же. Странное совпадение...

– Да, так... ничего... – и, тряхнув головой, будто отгоняя наваждение, вновь повернулся к профессору, – знаете, а вы очень так... интересно, образно рассказывали. И сленг... Даже не представлял, что в вашей среде...

– Какое там, – снисходительно махнул рукой профессор, – скажете тоже. Это я из-за семейных, так сказать, неурядиц. Внук у меня, Максим... Мой младший-то в науку не пошел. Сначала вот, как и вы, погоны носил, а потом, как все тут у нас закрутилось, – уволился и бизнесом занялся. Сначала всяко-разно купи-продай, а затем развернулся. Вот только на сына времени как-то совсем не хватало. Ну и упустил парня, – профессор сокрушенно вздохнул. Кузнецов понимающе качнул головой. Уточнять, в чем конкретно проблема, не хотелось. Это могли быть наркотики либо весь спектр того, что входит в понятие «плохой компании» – от просто банды пресытившихся доступными развлечениями бездельников до тоталитарной секты. Мало ли родителей, бросившись в погоню за блестящей мишурой достатка или даже богатства, либо рьяно ринувшись самореализовываться, отодвигали семью на самые задворки круга своих интересов и насущных проблем. Предпочитая откупаться от нее как раз тем самым достатком или богатством (иногда, правда, даже не подозревая об этом, а считая, что просто очень заняты). И даже не подозревая, что человек, чтобы реализоваться полностью, должен, кроме успешной карьеры, еще и... продолжить себя. Ибо что есть человек – бабочка-однодневка. Самые головокружительные высоты признания и успеха – мимолетны. Годы, максимум десятилетия и... все в прошлом. А вокруг только старость и воспоминания. И лишь род позволяет посоперничать с неумолимым временем. Не только продлить активную жизнь, радуясь успехам и стойкости своих детей, внуков и правнуков, но и не закончить ее даже с собственной смертью... Но для этого в семью надо вкладываться едва ли не больше, чем в любое дело. И не столько деньгами, сколько тем, что гораздо дороже, – временем, нервами, преодолением себя. И лишь совершив эти две вещи – сотворив себе ДЕЛО, которое станет оправданием твоего появления на свет, и продолжив свой РОД, можно надеяться на то, что ты сумеешь стать тем, кого Господь создавал по своему образу и подобию...

– Нет, вы не думайте – ничего серьезного, – продолжил между тем профессор, – так... выверты возраста. Максим – мальчик умный, спортсмен, картингом занимался. Просто... ну не сложилось у него с отцом. Сначала, наверное, из-за ревности... Ведь дети если любят, то очень ревнуют к тому, что нас от них отвлекает. А потом сформировалась установка – папа занят, папы нет. И привычка жить без папы. А когда папа сумел слегка оторваться от своего бизнеса и решил заняться введением, так сказать, ребенка во взрослую жизнь, оказалось, что его интересы и ценности и интересы и ценности сына не шибко пересекаются. Вот и бабах-

нуло, – профессор покачал головой, – едва не до полного разрыва дошло. Так что пришлось вмешиваться в процесс и некоторым образом согласовывать позиции. А у каждого – самолюбие. И если для сына я все еще некоторым образом авторитет... Мы с ним, пока он рос, много времени вместе проводили – и на рыбалку ходили, и в походы байдарочные, и всю страну с рюкзаком объездили, а это, знаете ли, запоминается на всю жизнь... То с внуком пришлось, считай, наново отношения налаживать... Вот оттуда и сленг.

Полковник понимающе кивнул. Внуков у него не было, но отношениями с дочерью он дорожил. И тоже старался выкраивать время для своего участия в ее жизни. Пусть не для походов на байдарках, но хотя бы для воскресных поездок в Новгород или совместного посещения тира... Она у него была девушкой с характером. Так что то, что он до сих пор был у нее в некоем авторитете, скорее всего, было следствием как раз такого подхода...

Профессор покинул кабинет успокоенный заявлением, что Кузнецов вытребует для него еще как минимум неделю. За какую профессор надеялся сделать столь значительные находки, что вопрос о продолжении работ решился бы сам собой. Ну, и обещанием, что «господин полковник» непременно посетит раскоп.

* * *

Обедать полковник поехал в столовую управления. Кормили там вкусно и достаточно дешево. В этот час там было многолюдно. Алексей Юрьевич взял тарелку борща и запеканку и, повернувшись в сторону зала, окинул его взглядом, отыскивая место, где бы присесть. Свободное место нашлось за угловым столиком, который занимал приятель из фельдъегерской службы. Когда-то они вместе начинали в младшем оперсоставе, а потом жизнь раскидала по разным подразделениям. Так что встречались нечасто. В основном на общих мероприятиях или на охоте, которой оба страстно увлекались. Сейчас приятель сидел в одиночестве и тупо жевал, уставя взгляд в одну точку и ни на что не обращая внимания. Как будто напряженно над чем-то размышлял.

– У тебя свободно, Николаич? – для проформы поинтересовался Кузнецов.

– А? Это ты, Юрич? Садись, конечно...

Кузнецов опустил поднос и присел.

– Чего это ты такой озабоченный?

– Да-а... чертовщина какая-то!

– Чертовщина?

– Ну да... понимаешь, служебное расследование провожу. Курьер тут у нас на маршруте на полтора часа опоздал. Ну, вроде как все понятно – доложи рапортом, подтверди причины, получи против шерсти и служи спокойно дальше. Тем более спецкараул, не игрушки. Вне графика шел. Ясно же, что на дурачка не сносишь, всяко проверять будут. А он, дурилка, уперся – ничего не знаю, нигде не задерживался, от маршрута не отклонялся. Вот на меня служебное расследование и повесили...

– И что?

– Да фигня какая-то получается, – вздохнул приятель, – чертовщина, как я тебе и сказал.

– То есть?

– Ну... пробили маршрут. И оказалось, что как раз в ту ночь, когда он был на маршруте, зафиксированы еще подобные случаи. Причем именно на Киевке. Патрульный экипаж ГИБДД хрен знает сколько времени добирался до места ДТП. И карета «скорой помощи» тоже. Там даже скандал был. Одна из пострадавших прямо там и родила, пока они ехали... Потом пожарный расчет – та же картина. В Спас-Загорье дача сгорела дотла. Хозяин в суд подал. На «ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей»... Да и в журналах учета на Балабановском и Детчинском постах те самые полтора часа – практически дыра. То есть если обычно

через них в это время проходит около двадцати – тридцати машин, то в ту ночь – одна-две. И только лишь в эти полтора часа. А затем снова среднестатистический поток пошел... Вот голову и ломаю, чего мне в заключении писать?

Кузнецов пожал плечами и отправил в рот ложку борща.

– Даже не знаю, что тебе и посоветовать.

Товарищ уныло кивнул, а затем, вздохнув, поднялся.

– Да уж, если подобную чертовщину написать, то как бы того... на обследование не послали. Пойду, поговорю с курьером. Может, придумаем чего...

С мэрией вопрос о продлении работ решился довольно быстро. Все знали, что Юрий Михайлович неровно дышит к археологическим раскопкам. Ходили слухи, что его тайно лелеемой мечтой было разом увеличить возраст города лет этак на сто, а то и поболее. И обскать Казань, которая одним махом скакнула в тысячелетний юбилей. Это, прямо скажем, вполне имело шансы на успех. Ибо до сих пор возраст Москвы считали от первого *упоминания* ее в летописи. А заложить город или хотя бы некое поселение на кремлевском холме могли задолго до того момента, как до летописца дошли слухи о князе Юрии, посетившем одну из своих вотчин...

Следующие несколько дней прошли в повседневной суматохе. И только в пятницу полковник выкроил время, чтобы исполнить обещание и посетить рабочее место профессора. Не то чтобы в этом была такая уж служебная необходимость, но полковник привык серьезно относиться к своим словам. Если что-то обещал – то приложи все усилия, чтобы сделать...

Выйдя из служебной «Волги», притормозившей у выгоревшей армейской палатки, он откинул полог и шагнул внутрь. Остановившись, Алексей Юрьевич дал глазам привыкнуть к полутьме, затем кивнул дюжему охраннику, сидевшему на табурете у центральной опоры. Охранник был из их конторы. Поскольку обнаруженные ходы вели в самую сердцевину кремлевского холма, следовало исключить возможность того, что там будет шляться кто ни попадя.

– Ну, как тут?

– Все в порядке, товарищ полковник, – энергично кивнул охранник.

– Где все?

– Так это... – охранник покосился в сторону провала, зиявшего в дальнем углу палатки, – внизу все. Как с утра спустились, так и не поднимались еще. Даша, ну, лаборантка, только вылезала. Часа три назад. За обедом бегала. Хотя какой там обед – колбаса, батон да корейские салаты...

В этот момент из провала слышались звуки осыпающейся земли, затем натужное кряхтение профессора, и спустя несколько мгновений появился он сам. Профессор выбрался наружу, держа в руках какую-то странную конструкцию. Что-то вроде массивной литой подставки. Профессор бухнул ее на стол, застеленный замызганными газетами.

– Уф-ф, о-о, Алексей Юрьевич, как прекрасно. Вы будто чуяли.

– Добрый день, Петр Израилевич. Новая находка?

– Да, и какая! Могу сказать, что... наша работа как минимум полностью окупилась.

– Вы нашли библиотеку?

Профессор вздохнул.

– К сожалению, нет. Хотя... продолжаю надеяться, что мы на верном пути. Обвалы мешают, а широкомасштабные раскопки пока невозможны... Но зато вот, полюбуйтесь.

– Что это?

– Я думаю, не меньше пуда чистого золота.

Кузнецов с удивлением воззрился на подставку.

– Золота?

– Ну да. Там еще ларец, украшенный драгоценными камнями. Даша тащит. Правда, он не в очень хорошем состоянии.

Полковник медленно кивнул.

– Ларец... пуст?

– К сожалению, да. И можно только догадываться, что в нем хранилось. Я бы предположил, что нечто совершенно уникальное...

В этот момент из раскопа появилась Даша. Кузнецов окинул прищуренным взглядом притащенный ею ларец, а затем потянул из кобуры мобильник:

– Ващенко, слушай, а материалы того расследования... ну, по провалу на Васильевском, у тебя?.. Да, я знаю, что расследование уже закончено... Ты, вот что, завези-ка их ко мне. Хочу кое-что посмотреть...

3

– Ну, привет, крот. – Гаджет ввалился в палату, как обычно улыбаясь до ушей.

Данька сел на постели и осторожно положил поверх простыни забинтованные руки.

– Ты как, – жизнерадостно продолжил Гаджет, присаживаясь на стул, стоящий рядом с кроватью, – оклемался?

Данька облизнул губы и хриплым голосом ответил:

– Почти. Сказали через пару дней выпишут. Говорят, легко отделался – никаких переломов, заражений. Только это... как его... легкое истощение. Да вот руки исцарапал сильно.

– Ну, морду тоже, – авторитетно заявил Гаджет, окидывая приятеля критическим взглядом, – ну ничего. Шкура, она заживает быстро. Да, а ты слышал, – оживился он, – говорят, из-за того завала, что ты устроил, Кремль перекосило.

– И ничего я не устраивал, – огрызнулся Данька, – оно само... – но потом не выдержал и переспросил: – И чё, сильно?

– Да нет, – мотнул головой Гаджет, – не сильно. Вообще-то самый большой провал на Васильевском спуске образовался. Там сейчас движение почти перекрыто. Пробища – на километр! В новостях показывали, что там археологи роются. И вроде как что-то раскопали... Хотя, может, и врут все. Но шухер был немаленький. Билла, говорят, вообще в Большой дом на Лубянке вызывали.

Данька испуганно нахохлился.

– Да не, – покровительственно махнул рукой Гаджет, – не мандражируй, все нормально. Ну слегка пропесочили, чтоб не шлялся, где не положено, и отпустили. Тут другое... – тут же посерьезнел он.

– Чего? – насторожился Данька.

– Ходят слухи, что Билл решил из дигтеров уйти.

– Почему?

– Ну, типа, совесть замучила. Стыдно стало, что группа на погружении рассыпалась. И ты едва тапки не откинул.

– Так мы ж сами отстали?! – вскинул брови Данька.

– А он кто? Лидер! – наставительно подняв палец, произнес Гаджет. – Смотреть должен. А то пер, как лось...

Данька задумался. Формально-то да, все верно. Но это формально, а по-человечески во всем этом была явная несправедливость.

– Все равно неправильно это. Мы с тобой лопухнулись, а на Билла все шишки.

– А не хрен в начальники лезть. Раз начальник – значит, за все отвечаешь. А не смог – пинок под зад. Вот так-то, – безапелляционно констатировал Гаджет, – а то развелось вокруг начальства, а в стране порядка нет, – неожиданно закончил он.

Данька недоуменно посмотрел на него, не понимая, как наличие порядка в стране соотносится с душевным состоянием Билла, но долго размышлять над этим Гаджет ему не дал. Потребовал подробного рассказа.

Данька начал нехотя (информация о Билле его слегка напугала), но затем разошелся и принялся живописать свои приключения. Так что Гаджет только рот разинул. Впрочем, о шкафу с пенальцем Данька благоразумно умолчал, только по ходу рассказа бросил взгляд на шкафчик, в котором лежал его рюкзачок. Но Гаджет этого не заметил...

Когда он закончил, Гаджет уважительно покачал головой.

– Да уж, прижало тебя... полный отпад! Вот уж нашим расскажу... – но долго находиться в одном настроении он не умел. И потому тут же переключился: – О-о, я ж тебе это, фруктов

принес... ну, яблок. На вот, ешь, поправляй здоровье. И, кстати, я вчера в «Техносиле» на Комсомольской такой гаджет надыбал – полный улет...

* * *

Из больницы Данька вышел в пятницу. К его удивлению, в его рюкзачок никто не залез, и обнаруженный им пеналец так и остался там, под замызганным мотком остатка веревки. То есть, возможно, кто-то и залезал, только не обратил на пеналец никакого внимания. Хотя странно. Уж больно необычным тот выглядел. Тем более что, как рассказал Даньке доктор, нашла его не его группа и даже не другие диггеры, а какие-то совершенно посторонние люди. Чуть ли не из кремлевской охраны. Кто точно – никто не знал. И Данька счел за лучшее и не интересоваться. А то вон Билла в Большой дом вызывали. Так начнешь интересоваться – и про тебя вспомнят. А ведь всем понятно, что приличному человеку с людьми из этого дома дел иметь как-то и не пристало...

Добравшись до общаги, он поднялся на лифте на свой этаж, толкнул дверь в комнату и... замер на пороге. Потому что вся его половина комнаты была заставлена огромными клетчатými баулами. А на его кровати сидели два небритых мужика лет сорока в кепках и этак смачно, с чавканьем, ели дыню. Один из них откусил большой кусок, шумно втянул в себя сок и, наконец, соизволил обратить внимание на Даньку.

– Тебе чего, мальчик?

– Я это... – растерянно начал Данька, – живу здесь.

– Э-э, что говоришь?! – вскинул руку мужик. – Здесь живет мой племянник Анзор.

– Ну да, – кивнул Данька, – Анзор и я.

Мужик покосился на баулы и покачал головой.

– Вай мэ, места для тебя совсем не осталось. Я завтра уеду – тогда место будет. Завтра приходи, ладно... – после чего отвернулся и вновь принялся за дыню.

Анзора Данька разыскал в корпусе «Б».

– Анзор, что за дела?! – начал Данька.

– Ты чего шумишь, да? – тут же прервал его Анзор. – Сам пропал неизвестно куда. Ничего не сказал, да. А теперь появляется как снег на голову и шумит.

– Я... я в больнице лежал.

– А чего не позвонил, да? Я бы тебя проведать пришел, – рассудительно заявил Анзор, – заодно узнал бы, когда выписываешься. А то смотри как нехорошо получилось, да?

– И... чего делать? – несколько ошеломленный подобным раскладом, спросил Данька.

– А я знаю, да? – вздохнул Анзор. – Дядю Ашота не выгонишь. Ну куда он в Москве пойдет? Он здесь первый раз, да. Слушай, а может, ты у Клишина с Балабаевым переночуешь? У них раскладушка есть, я знаю, да...

В свою комнату Данька попал только в понедельник вечером. Дядя Анзора действительно выехал в субботу, но баулов в комнате только прибавилось. И Данька, обнаружив, что обновленная «меблировка» комнаты с исчезновением Анзорова родственника отнюдь не уменьшилась, а только увеличилась, счел за лучшее остаться в квартирантах у Кольки Балабаева. Основной задачей Кольки было продержаться в универе до двадцати семи лет, каковую точку зрения вполне разделяли и его родители. Так что на учебу ему было в общем-то наплевать. Поэтому большую часть времени он либо валялся на кровати, либо шлялся по барам и дискотекам. А когда «хвосты» по зачетам становились совсем уж неприличными – шустро оформлял очередную «академку». На его счастье, в универе к таким «академкам» для «платников» отношение было спокойным – плати и гуляй. Вот если бы Колька учился на бюджетном, то точно бы вылетел после первого же семестра...

Все это время пеналец лежал на дне его рюкзака. Он притягивал к себе со страшной силой, но в то же время почему-то Данька его боялся. Вещица была как некое свидетельство преступления, наглядный факт того, что Данька побывал в необычном, а может, даже запретном месте. В конце концов, он же обнаружил кости, значит, кто-то из людей уже заплатил жизнью за то, что побывал там.

А может быть, это вообще был охранник, замурованный вместе с неведомыми сокровищами, к числу которых относилось и содержимое пенальца...

Вечерами, лежа на раскладушке в комнате Кольки (Балабаев вел, как он выражался, «обратный образ жизни», что означало долгие ночные гулянки, а затем сон до двух дня, так что по вечерам его, как правило, не было), Данька грезил о том, что обнаружит, открыв пеналец. Нет, золота там быть не могло. Слишком уж он был легкий, но вот какие-нибудь изумруды или бриллианты... почему бы и нет?

Он даже зашел в инет-кафешку и специально полазил по сайтам, выясняя, какие камни дороже и как определить подделку. Не то чтобы после такого поиска в голове осталось что-то полезное, но он с удивлением обнаружил, что изумруд может быть дороже рубина, а гранат совсем не такой дорогой камень, как он считал, прочитав положенный по школьной программе «Гранатовый браслет». Вообще-то из всей школьной программы по литературе он осилил едва десятую часть, но «Гранатовому браслету» повезло...

В воскресенье вновь объявился Гаджет. Он позвонил ему с утра.

– Привет, пропащий! Ты куда подевался?

– Да куда, – кисло ответил Данька, – в общаге сижу.

– А чего это ты там сидишь? – удивился Гаджет. – Народ тут с ума сходит. Жаждет услышать рассказ об интересных приключениях и таинственных находках, а он, видите ли, в общаге сидит!

– Каких это находках? – испуганно затаив дыхание, переспросил Данька.

– Ну... разных, – заявил Гаджет, – всяких там призраках, ржавых цепях и сундуках с сокровищами. Неужто не успел ничего придумать за это время?

Данька облегченно выдохнул воздух.

– Блин, Гаджет, достал уже. Никуда я не пойду. Я еще не оклемался, вот.

– Ладно, – милостиво разрешил Гаджет, – давай, оклемывайся. До среды время есть. Но в среду чтоб был в «Берлоге». А то Барабанщица меня уже достала – вынь ей да положи нашего бестолкового, но героического Джавецкого, и все тут. Ну ты ж ее знаешь, что жвачка, – как прилипнет, не отстанет.

– А что она к тебе прилипла-то? – удивился Данька.

– Ну, я это... – слегка стушевался Гаджет, – тоже ж вроде как пролетел. Вот и отрабатываю...

* * *

Утром в понедельник, когда Данька вылетел из общежития, как обычно *почти успевая* на занятия, его окликнул Анзор.

– Эй, Данька, да погоди ты... вот чумной, да.

– Анзор, я это... – притормаживая, взмолился Данька, – потом, ладно...

– Да я ничего... – пояснил Анзор, – я хотел сказать, что у нас все свободно, да. А меня сегодня не жди. Я у родственников ночевать буду, да. Так что, если кому надо переночевать...

Окончания Анзоровой речи Данька не услышал – свернул за угол. Но догадаться было несложно. Раз Анзор сегодня не ночует в комнате, значит, если Даньке надо будет кого-то разместить, то он вполне может это сделать. Анзор совершенно не против. Вот только как это

получается, что, если надо Анзору, он всегда делает это, когда ему надо, а Даньке, получается, можно, только когда разрешит Анзор...

Впрочем, все выгоды Анзорова отсутствия Данька осознал только вечером, когда, поужинав супчиком из «бомж-пакета», заправленным куском слегка подветрившей колбасы, понял, что он наконец в своей комнате и *совершенно один!* А посему может спокойно поподробнее ознакомиться со своей находкой.

Данька осторожно запер дверь, вытащил ключ (специально, чтобы казалось, что дверь заперта снаружи) и, выключив верхний свет, уселся на кровать. Некоторое время молча сидел в темноте, слушая шум в коридоре, голоса, дребезжание магнитофона в комнате сверху, звяканье кастрюль и всякие иные звуки, которые человек обычно не замечает. Но сейчас они казались ему чрезвычайно важными и значимыми. Будто тот, привычный мир внезапно куда-то отодвинулся, отделенный стеной темноты и тонкой загородкой дверного полотна. А сам Данька оказался в каком-то другом мире, где повседневная суета не имела никакого значения... И это было настолько новое и странное ощущение, что он некоторое время неподвижно сидел, вслушиваясь в звуки, при помощи которых, как ему казалось, обыденный мир пытается достучаться до него, забрать, затянуть обратно в свое затхлое нутро, и в то же время чувствуя себя на редкость защищенным, сильным и уверенным в себе...

Данька встал, подошел к столу и, включив настольную лампу, расстелил под ней два листа чистой бумаги. Затем достал из рюкзака свою находку...

Пеналец раскрылся без особых проблем. Заскорузлые кусочки высушенной кожи отделились от пенальца достаточно легко, а воск просто осыпался.

Внутри пенальца оказалась полуистлевшая рогожка, похоже, когда-то пропитанная чем-то вроде жира. Данька осторожно развернул ее, и перед ним оказался скатанный в трубочку листок, похожий на вырванную из книги страницу. Данька провел по ней пальцем. Страница была сделана не из бумаги. Возможно, это был пергамент или, например, папирус, но что точно – он определить не мог, потому что никогда не видел ни первого, ни второго.

Кроме этой страницы, в пенальце больше ничего не было. Данька слегка поморщился. С мечтами о богатстве, похоже, придется распрощаться. Но отчего-то эта мысль не вызвала в нем такого уж разочарования. Как будто факт прикосновения к какой-то древней тайне (ну не зря же эту вырванную страничку так тщательно упаковывали) сам по себе был ценностью. Впрочем, может, так оно и было.

Данька некоторое время молча сидел, внимательно рассматривая валяющиеся на столе половинки пенальца, обрывки кожи, крошки засохшего воска и рогожку, а затем начал осторожно разворачивать свернутый листок.

Страничка сопротивлялась, угрожающе похрустывала, но постепенно перед глазами Даньки появлялись огромная заглавная буква и тянущаяся вдоль нижнего края яркая миниатюра, изображающая скачущих всадников, горящие дома и церкви, могучий дуб и нескольких старцев с седыми бородами и иконописными лицами в келье под горой.

Остальную часть листа занимал текст, написанный то ли на старославянском, то ли еще на каком-то не менее древнем языке. А прямо поверх текста бурыми и почти выцветшими чернилами были нацарапаны еще несколько слов на том же самом языке.

Данька попытался прочитать блеклую надпись, но затем оставил это занятие и принялся разглядывать миниатюру и яркие завитки, украшающие заглавную букву. Он так и сидел, уставившись в развернутую страничку, аккуратно прижатую пальцами к столу, как вдруг за его спиной заскрипел замок, дверь распахнулась и в комнату, на ходу хлопнув ладонью по выключателю, ввалился Анзор, что-то горячо втолковывающий кому-то по телефону. Данька замер, будто застигнутый на месте преступления. Анзор бухнулся на кровать и несколько секунд слушал, что ему говорят, а затем раздраженно бросил:

– Верач! – и нажал отбой.

Некоторое время в комнате стояла какая-то напряженная тишина. Потом Анзор вздохнул и уныло произнес:

– Ты представляешь, меня женить хотят, да...

– Чего? – Данька округлил глаза. – Как это?

– Вот так, – опять вздохнул Анзор, – родственники сговорились, да. Мама уже ездила в Ереван, смотрела невесту.

– А ты ее знаешь?

– Видел когда-то, – нехотя ответил Анзор и вдруг, бросив взгляд на стол, оживился: – А чего это у тебя?

Данька, у которого из-за услышанной новости как-то вылетело из головы, что пеналец со всем содержимым так и лежит на столе, вздрогнул и покосился на ясные улики своего преступления.

– Да это так... нашел.

– А ну-ка покажи, да, – деловито сказал Анзор. Он шустро подскочил к столу и принялся крутить в руках пеналец, остатки рогожки и листок. – Где откопал? У себя в канализации, да?

– В какой еще канализации, – возмутился Данька, – и вообще, поосторожнее, вещь древняя.

– Древняя, говоришь, – прищурился Анзор, – надо будет переговорить...

– С кем?

– С Тиграном, да. Это сын дяди Акопа... ну, который друг дяди Симона... ну, который жил на Героев первых пятилеток... короче, ты не знаешь, да. У него на Мясницкой антикварный магазин... рядом, в переулке.

Данька минуту помолчал, слегка сбитый с толку Анзоровым напором, а затем осторожно поинтересовался:

– А зачем нам антикварный магазин?

Анзор удивленно уставился на него.

– Как это зачем, да? Посоветуют, сколько можно выручить за эту муть.

– А мы что, продавать будем?... – не понял Данька.

– А чего еще с этим делать? – удивился Анзор. – В музей, что ль, сдавать? Я думаю, баксов за триста вполне можно скинуть. У тебя вон кроссовки разваливаются. Новые купишь, фирменные... – Он повертел в руках листок. – Эх, жалко, оторвали кое-как... и испортили еще, – сказал он, кивнув на буроватые буквы, – ну ничего, мы это аккуратненько смоем, будет как новенький.

– Я тебе смою! – внезапно вскинулся Данька. – Может, как раз из-за этой надписи этот листок и вырвали... и спрятали. А ну, дай сюда! – и он выдернул листок из рук Анзора. Анзор удивленно покачал головой.

– Что ты так нервничаешь, да? Не хочешь смывать – не будем. Только из-за этого баксов сто, а то и сто пятьдесят потеряем, точно, да.

– А может, я вообще его продавать не буду, понял? – огрызнулся Данька, заворачивая листок в рогожку и запихивая в пеналец.

Анзор окинул его изумленным взглядом, а затем скривился и покачал головой:

– Не понимаю я тебя, Данька. Вроде взрослый уже, а все в какие-то фантики играешь, да. Надо быть практичней. Оденешься нормально, часики фирменные купишь... Начни к деньгам серьезно относиться – и все тип-топ будет, да. Все девчонки твои. Будешь их в хорошие рестораны водить, на хороших машинах катать. И не придется ни в какую канализацию лазать, чтобы девочкам голову дурить, да.

Данька насупился и засунул пеналец в рюкзачок. Он уже тысячу раз говорил Анзору, что ходит на погружения вовсе не для того, чтобы нравиться девочкам. А для себя самого. Но тому было как об стенку горох. К тому же, если уж быть до конца честным, кое в чем он был

прав. Когда Данька небрежно бросал в компании «вчера ходили на погружение» и девчонки уважительно округляли ротик, это было приятно...

На следующее утро Данька проснулся неожиданно рано. Он некоторое время лежал, глядя в потолок и прислушиваясь к мирному похрапыванию Анзора и шуму дождя за окном, а затем резко сел на кровати и уставился на рюкзачок. Он вдруг понял, что надо делать с этой страницей... ну, то есть не с ней, а с тем, что на ней написано. Он быстро вскочил с кровати, вытащил из рюкзака пеналец и, включив свет, развернул листок. Анзор сонно заворочался на кровати, оторвал голову от подушки и, что-то недовольно пробормотав себе под нос, отвернулся к стене и накрыл голову одеялом. Данька не обратил на него никакого внимания. Он выудил из ящика стола ручку, лист бумаги и принялся старательно копировать выпцветшую надпись.

Когда он закончил, до начала занятий оставалось еще полтора часа, и чем занять это время, было решительно непонятно. Данька завалился на кровать, но странные буквы, сложившиеся в еще более странные слова, жгли его изнутри. Кое-какие слова казались Даньке знакомыми. Но дела это не меняло... Он даже язык узнать не мог. Данька не выдержал и, тихонько одевшись, выскользнул из комнаты.

Дремлющая на вахте бабушка проводила его удивленным взглядом, но ничего не сказала. Только пробурчала что-то себе под нос, нажимая на кнопку, переключающую турникет на выход. Похоже, Данька сегодня был первым, покинувшим общагу...

* * *

Доцент кафедры иностранных языков Игорь Оскарович Потресов шел на работу в преотличнейшем настроении. Только вчера ему позвонили из Нью-Йорка и сообщили, что его запрос на грант находится на стадии окончательного рассмотрения. И что вероятность того, что он будет удовлетворен, чрезвычайно велика.

На фирме тоже все было в ажуре. Игорь Оскарович владел небольшим агентством, предоставлявшим услуги перевода или языкового сопровождения высокого уровня. Кроме того, вчера же он получил звание доцента, так что теперь должность в штатном расписании кафедры и ученое звание находились друг с другом в полной гармонии... Ну, и Кира наконец-то вернулась из своей дурацкой поездки по Италии. И они провели отличнейший вечер. К тому же жена должна была вернуться из Питера, от родителей, только в субботу, так что неделя вырисовывалась весьма увлекательной...

Потресов прошел проходную, небрежно кивнул поздоровавшемуся с ним охраннику и двинулся по аллее к учебному корпусу. Он уже подходил к дверям, когда ему навстречу бросился какой-то паренек, до этого сиротливо сидевший на бордюре.

– Игорь Оскарович...

– М-м-да, слушаю вас, молодой человек...

Игорь Оскарович слыл среди студентов «понимающим». Поскольку милостиво относился к тем, кто не посещал лекции, и на зачетах мог «натянуть». Он вообще считал, что университетский курс иностранного языка – это, скорее, ознакомление, производимое с целью дать студенту понимание того, насколько ему нужен этот язык. А для того чтобы выучить язык более-менее сносно, нужны индивидуальные занятия. Ну в крайнем случае занятия в небольших группах. Каковые он сам с удовольствием и проводил. Прямо скажем, за среднюю по московским меркам оплату. Ибо не считал себя вправе выставять за свои услуги слишком уж высокую цену, к тому же справедливо полагал, что всегда найдутся люди, готовые платить и большие деньги, лишь бы заниматься с преподавателем, которому они потом будут сдавать экзамен. Впрочем, репетитором он был хорошим. И потому оценки занимающимся у него студентам ставил совершенно реальные, честные...

– Игорь Оскарович, у меня тут вопрос, – начал паренек, в котором Игорь Оскарович смутно признал одного из своих студентов, второго, кажется, курса... – Я не знаю, к кому обратиться, хотя я, может, не по теме, но... – окончательно запутался паренек и, стушевавшись, замолк.

Игорь Оскарович ласково улыбнулся.

– Так в чем вопрос-то, юноша?

Тот отчаянно покраснел, затем глубоко вдохнул и решился:

– У меня тут есть текст. Похоже, на каком-то древнем языке. Не могли бы вы посоветовать мне, к кому можно обратиться за переводом.

Игорь Оскарович удивленно покачал головой. Ты смотри, как интересно. Текст, да еще на древнем языке... И ради него этот паренек сидит ни свет ни заря у подъезда корпуса и ждет его.

– А ну-ка, покажите... – Он взял протянутый ему лист, развернул его и забормотал: – Угу, угу, «василевс», «дромос»... угу, интересно... очень интересно. – Он поднял взгляд на паренька. – А скажите, молодой человек, откуда это у вас?

Тот вновь покраснел.

– Я это... списал из одной книжки.

Игорь Оскарович понял, что паренек врет, но, в общем, особого значения это не имело.

– Ну что ж, – благодушно кивнул он, – очень неплохая подделка под средневековый греческий... который существовал до падения Константинополя. Очень неплохая... а перевод... Я бы предположил, что это расширенное переложение известного катрена Нострадамуса... ну, там где речь идет о царе с Востока, о великом народе и все такое прочее...

– А почему подделка? – удивленно спросил паренек.

– Ну, признаков, по которым я определил, что это подделка, несколько. Например, само содержание. Уж очень перекликается с Нострадамусом. Но вот некоторые детали... например, м-м, ну, это можно сформулировать как «казнят своего государя» и утверждают «безбожную власть антихриста»... после которой на весь род человеческий обрушатся многие беды. Хочешь сказать, что древний автор знал об октябрьском перевороте? А вот, скажем, «кладбище в сердце столицы»... а, м-м-м, «поклонение мертвецу непогребенному» вообще уж ни в какие ворота не лезет. Ну а потом идет чистый плагиат из Нострадамуса – о белом царе и всеобщем благоденствии после его воцарения. Но главное даже не это... Понимаешь, тут используются речевые обороты, характерные где-то для XIII–XIV, максимум начала XV века. Но в то время вот эта буква, – он отчеркнул ногтем, – писалась несколько иначе. Вот с таким хвостиком. А потеряла она его только к концу XVII века, когда писали и говорили уже несколько по-другому. Понятно?

Паренек кивнул.

– Ну... я удовлетворил ваше любопытство?

– Да... спасибо, Игорь Оскарович.

– В таком случае жду ответного жеста.

Паренек удивленно посмотрел на него.

– Я бы хотел ознакомиться с той книгой, из которой вы его списали. Очень интересный текст, понимаете ли...

Паренек снова густо покраснел и кивнул:

– Ага, я... поищу... то есть попрошу.

– Вот и отлично. Вот, возьмите мою визитную карточку, – кивнул Игорь Оскарович и, ласково потрепав паренька по плечу, двинулся к дверям учебного корпуса.

Данька проводил его взглядом и в растерянности присел на бордюр. Подделка? Но... как это может быть? Это что же, кто-то устроил все эти катакомбы, постаменты, подставки из свинца, шкатулки... и все ради какой-то подделки? Как-то все это странно... Он вновь

бросил взгляд на свои каракули и, прищурившись, попытался представить, как выглядит текст на найденном листке. Может быть... Данька вскочил и помчался обратно в общежитие...

Он ввалился в комнату и едва не сбил Анзора, который стоял перед зеркалом, висевшим на внутренней стороне двери.

– Данька, ты чего? – отскакивая от двери, возмущенно крикнул Анзор.

– Я сейчас... – буркнул Данька и, выхватив пеналец из-под подушки, куда он его тщательно упрятал перед отходом, торопливо выудил из него листок и, включив лампу, разложил его на столе. Несколько мгновений он внимательно рассматривал его, слегка поворачивая, чтобы свет падал на него под разным углом, а затем отпустил листок и откинулся на спинку стула. Он ошибся. Эти бурые чернила слишком выцвели, и потому, когда Данька рано утром срисовывал текст на бумагу, он не заметил, что у той буквы, на которую указал Игорь Оскарович, имеется тот самый хвостик. Но теперь, когда он знал, где и что надо искать, хвостик был обнаружен. Самое главное доказательство того, что текст был подделкой, неожиданно оказалось доказательством обратного...

4

– Заходи, – Анзор кивнул Даньке и толкнул тяжелую дверь.

Данька еще раз окинул взглядом зеркальные стекла, витрины с громоздкими вазами, бронзовыми скульптурами и массивными креслами, задрапированными тяжелыми бордовыми портьерами, и, поевшись, шагнул вперед. Уж больно все это царство роскоши и богатства не вязалось с простеньким деревянным пенальцем и страничкой, вырванной из какой-то книги. Но делать все равно было нечего. Других специалистов по старине в зоне доступа не имелось.

В магазине царил полумрак. Данька остановился на пороге, ожидая, пока глаза, слегка ослепшие после яркого света улицы, привыкнут к здешнему освещению, но где-то впереди послышался нетерпеливый голос Анзора:

– Ну где ты там, да?!

Данька, поморгав, нерешительно двинулся вперед.

Анзор обнаружился за большим деревянным стеллажом, заполненным кожаными футлярами, деревянными шкатулками, массивными, бронзовыми настольными лампами и подсвечниками. Он нетерпеливо переминался с ноги на ногу рядом с невысоким крепким парнем, одетым по последней моде, – в окружении всей этой старины (или подделок под нее) он казался настолько чуждым, что резало глаз. Но парень, похоже, этого совершенно не чувствовал. Лениво кивнув Даньке, он нарочито небрежно облокотился на стоявшую на полу почти полуметровую в холке скульптуру слона из вычерненной бронзы и покровительственным тоном спросил:

– Ну, что там у вас?

Анзор кивнул Даньке. Доставай, мол.

Данька скинул с плеч рюкзачок, извлек из него пеналец и, бережно держа его двумя руками, протянул парню. Тот небрежно подцепил его двумя пальцами и окинул таким пренебрежительным взглядом – ну что, мол, такого интересного у вас, лохов, может быть... Затем довольно ловко разъял его на две половинки и, подойдя к массивному лакированному бюро светлого дуба, вытряхнул на столешницу листок. Развернув его, покрутил перед носом, потом повернулся к Анзору и спросил:

– И все?

– Да, Тигран, – кивнул тот.

– И вот с этим ты пришел ко мне? – воскликнул парень.

– Ну да, – снова кивнул Анзор, – а к кому еще? Сам видишь, вещь старая, настоящая, должна стоять немало.

– *Это* – немало? – удивленно произнес Тигран. – Анзорчик-джан, ты же умный мальчик. Неужели ты не знаешь, зачем люди покупают старые вещи? Чтобы ими гордиться! Чтобы хвастаться. Чтобы все ходили и удивлялись, говорили: вах, где взял, сколько отдал, а кто на нем раньше сидел? Кто за ним раньше ел? Сам царь, сам Наполеон, сам Сталин? И все говорят – вай мэ!.. А как можно хвастаться *этим*?

– Тигран, – Анзор упрямо набычил голову, – эта вещь по-настоящему старая. И, наверно, ценная. Видишь, как ее упаковывали, да? Там еще все кожей было обернуто и воском залито.

– Этот вырванный листок? Или то, что в нем было?

– Ничего в нем не было. Может, это какой рисунок ценный, да. Великий художник рисовал. Потому его из книги и вырвали.

– Этот рисунок рисовал, а остальную книгу, значит, не рисовал?

– Ну не успел, умер там или что другое рисовать заставили. Откуда я знаю, да? Сам пойми, если бы это ничего не стоило – зачем так упаковывать?

Тигран вскинул руки, будто призывая Бога в свидетели своего великодушия, а потом мрачно произнес:

– Ладно, две тысячи рублей.

– Две тысячи? – Анзор изумленно покачал головой, – Тигран, что ты говоришь, да?

– Анзор, прежде чем я это продам, знаешь сколько всего сделать надо? Людям показать, эти вот каракули стереть, в рамку вставить, чтоб красиво было. И то не знаю, за сколько продам.

При упоминании о каракулях, Анзор бросил суровый взгляд на Даньку, мол, а я что говорил... но затем вновь повернулся к Тиграну.

– Тигран, я все понимаю, но за такие деньги Данька это не отдаст, да. Сам в рамочку вставит и над кроватью подвесит... Три.

– Анзор, побойся Бога!

– Три, Тигран, – твердо заявил Анзор. Тигран сокрушенно мотнул головой, потом вздохнул и, открыв ящик бюро, небрежно смахнул в него пенал и листок. Затем задвинул ящик и вытащил из кармана пачку тысячных купюр. Он уже послуныявил пальцы, как вдруг Данька заорал:

– Нет!

Тигран и Анзор удивленно уставились на него. А Данька скакнул вперед, к бюро, рывком выдвинул ящик, выгреб из него пеналец и листок и тут же отскочил назад, прижимая все это к груди. Тигран проводил его удивленным взглядом, потом строго посмотрел на Анзора.

– Анзорчик, будь добр, в следующий раз реши все со своим другом *до* прихода ко мне. Хорошо, да? Или не отнимайте у меня время, ладно?

Данька покосился на Анзора, старавшегося не встречаться с ним глазами, торопливо скатал листок и пятясь-пятясь выскочил из магазина...

Анзор появился в общежитии только к вечеру. Молча вошел в комнату. Не глядя на Даньку, сел на кровать, снял туфли и только после этого сурово спросил:

– И как это понимать?

Данька, до того момента валявшийся на кровати, сел и покаянно развел руками.

– Анзор, я не знаю... на меня что-то нашло. Я столько из-за него вытерпел и вот так... за три тысячи...

Анзор окинул его мрачным взглядом.

– Ты понимаешь, что так деловые люди не поступают, да. То – продаю, то – не продаю... детский сад. Ладно, – вдруг смягчился он, – может, оно и к лучшему. Похоже, мы и вправду продешевили, да. Мне тут одно дело подсказали... «eBay» называется. В Интернете всякую муть продают. Еще похлеще нашей...

Сравнение со «всякой мутью» Даньку несколько покорило, но Анзор этого не заметил. Он достал из кармана дешевенькую цифровую камеру и кивнул Даньке.

– Ладно, давай, раскладывай.

– Зачем? – удивился Данька. Анзор удивленно воззрился на него.

– Я ж тебе все объяснил. Сейчас сфотографируем, поместим фото в Интернете, да, выставим цену и все. Будем ждать, кто клюнет... – Он нахмурился. – Только вот надо так сфотографировать, чтобы эти твои каракули незаметно было. А то кому будет нужен испорченный листок? Ну да ладно, в фотешопе подчистим...

И от того, что больше не нужно было ни бежать куда-то и продавать, ни оправдываться, у Даньки отлегло от сердца. Поэтому он со спокойной душой подтянул рюкзачок и извлек из него пеналец...

* * *

На следующий день, не успев Данька вернуться с занятий, как вновь объявился Гаджет. То есть он, возможно, звонил и раньше, только Данька теперь отчего-то завел привычку отключать телефон. А как только включил, мобильник остервенело заверещал.

– Нет, Джавецкий, – послышался в ухе возмущенный голос Гаджета, едва Данька поднес его к уху, – ты совсем оборзел! Ты когда обещал появиться?

Данька досадливо сморщился. Вот черт, совсем забыл... он же обещал в среду быть в «Берлоге», но они вчера как раз мотались с Анзором к этому его Тиграну. А потом у него все вылетело из головы.

– Ну... извини.

– Никаких извинений, – отрезал Гаджет, – ноги в руки и на Маяковку. Мы тут все собрались. В «Старлайте». Ждем, – и дал отбой. Данька горестно вздохнул. Ну вот опять, все планы на вечер накрылись медным тазом...

В «Стар-лайте» вся компания обосновалась на угловом диванчике. Едва Данька вошел, как Гаджет призывно завопил:

– Джавецкий, дуй сюда, я тебе место держу.

Из всех участников злополучного погружения не было только Билла. Зато присутствовал не ходивший на погружение Кот. Рядом с ним, как обычно, сидела Немоляева, а рука Кота так же, как обычно, лежала на ее бедре. Данька вообще подозревал, что Немоляева и в диггеры-то пошла из-за Кота. Потому как никакой другой причиной объяснить появление этой коровы в их компании было решительно невозможно.

Барабанщица сидела напротив, и справа и слева от нее было пустое пространство. Вообще, не будь Билла, их компанией точно бы верховодила Барабанщица.

– Наконец-то... дождались! – поприветствовала она Даньку в своей обычной манере. – А то я уже начала думать, что у тебя за сутки под землей, Джавецкий, всю память отшибло.

Данька не нашел что ответить и потому только подержался за протянутые руки и молча присел на диванчик. Тут же у столика нарисовалась официантка, симпатичная девчонка в короткой юбочке с биркой «Таня».

– Будете что-нибудь заказывать?

– Средство от склероза, – буркнула Барабанщица и отвернулась...

Несмотря на столь «теплое» начало, остаток вечера прошел довольно приятно. Все наперебой расспрашивали его, что он чувствовал, когда провалился, и каково оно было очнуться в темноте, и как ему в голову пришло попытаться влезть в ту дыру? Короче, Данька, наверное, впервые за все время пребывания в этой компании чувствовал себя в центре всеобщего внимания. И это было что-то. Все портила только Барабанщица, постоянно вставлявшая ехидные замечания типа: «Глаза надо было разуть» или «Головой бы об стенку постучал, может быть, и дошло бы». Но остальные ее не поддержали...

Когда Данька возвратился в общагу, его встретил возбужденный Анзор.

– Ну где ты ходишь, да? Покупатель появился!

В интернет-кафе они ввалились почти перед самым закрытием. Увидев их, бармен у стойки отчаянно замахал руками:

– Все, все, закрываемся...

– Как это? – изумился Анзор. – Еще ж восьми нет?

– Мероприятие у нас, – пояснил бармен, – заказано. Геймеры сняли. Рубку по локальной сети устраивают.

– Во дают! – восхитился Анзор. – Раньше кафе для свадеб или поминок снимали, ну, там день рождения отметить, да. А теперь поиграться... Слушай, друг, нам буквально пять минут. Мы даже по коктейльчику закажем ради такого случая.

– Пять минут... – с сомнением покачал головой бармен, – ну ладно. Только чтоб не больше. Что принести?

– Мне «Б-52», – быстро сказал Анзор и бросил вопросительный взгляд на Даньку. Тот пожал плечами.

– Тогда два «Б-52», – подвел итог Анзор и потянул Даньку к столу.

На их страничке в разделе предложений красовалась короткая строчка. В ней было имя, номер телефона, электронный адрес и крупные цифры. Именно к цифрам и прилип Данькин взгляд. Это... был отпад. Он ошалело посмотрел на Анзора, потом вновь перевел взгляд на экран, затем протер глаза и ущипнул себя за тыльную сторону ладони.

– Да-а-а, дела-а-а, – растерянно протянул Анзор, – такого даже я не ожидал... А Тигран – три тысячи, да, – хохотнул он, но тут же вновь посерьезнел. – Что ж ты такого откопал, Данька?

– Так ты что, этого объявления еще не видел? – удивился тот.

– Нет, откуда... мне тот парень, что объявление размещал, sms прислал. Зайди на сайт, есть покупатель, да. Я весь вечер просидел как на иголках. Ты чего моду взял телефон отключать?

– Не знаю, – поежился Данька и снова уставился на экран. Впрочем, Анзор сделал то же самое. И как, скажите, было на него не смотреть, если там сияла совершенно нереальная цифра – 100 000 \$.

Переговоры с покупателем взял на себя Анзор. Они договорились, что гонорар честно разделят пополам (для Даньки и половина была совершенной фантастикой, а от мысли о том, что надо будет договариваться с покупателем и потом ехать куда-то за деньгами, вернее, за *деньжищами*, ему вообще было как-то не по себе). Ради такого дела Анзор купил за сто пятьдесят рублей новую «симку» с пятью баксами на счете. Когда Данька спросил его, зачем это, тот солидно ответил:

– Понимаешь, как выяснилось, мы с тобой обладаем немалой ценностью, да. И поэтому надо предусмотреть всякие неожиданности. Судя по номеру телефона, покупатель отсюда. Следовательно, можно ждать неприятностей.

– Каких неприятностей? – не понял Данька.

– Ну, чтоб не кинули, да.

– Как это? – удивился Данька. – За что?

Анзор бросил на него снисходительный взгляд.

– Кидают не за что-то, потому что...

– Потому что?

– Потому что лох, – веско отрубил Анзор, – а лохов надо учить, да.

– Это почему это я лох? – вскинулся Данька.

– А вот потому и лох, – пояснил Анзор, – потому что считаешь, что тебя не могут кинуть. Вот приедем на встречу, а нас там раз – вещь отберут и ничего не заплатят, да.

– Он же сам цену назначил? Мы и не торговались даже. И потом, как это отберут? Мы обмен произведем в людном месте, чтобы если что – вой поднять, милицию звать...

– Вот-вот, – кивнул Анзор, – я же говорю, лох. В людном месте, – передразнил он Даньку, – а почему ты знаешь, что эти самые люди – не нанятые, да? Если у мужика есть такие деньги, что он может сотку косых баксов вот так запросто за всякую муть выложить, то нанять десяток-другой шкафов, чтобы были под рукой и толпу изображали, ему раз плюнуть. А то и вообще заранее выследить по телефонному звонку и еще на подходе зажать и отобрать, да. А милиции будешь ждать вообще до следующего понедельника. Вот прописку проверять – они

тут как тут, – помянул он свою извечную проблему во взаимоотношениях с московскими стражами порядка, – а если что – так не дозовешься.

– И... что же делать? – несколько растерянно произнес Данька.

– Вот поэтому я «симку» и купил, – пояснил Анзор, – позвоним, договоримся и сразу выкинем, да. Чтоб не отследили. А встречу назначим где-нибудь на трассе, да. Чтобы в случае чего можно было между машин дернуть и адью, понятно?

– Понятно, – растерянно произнес Данька, который на самом деле от Анзоровых рассуждений только еще больше запутался.

– Чтоб ты без меня делал, – покровительственно хлопнул его по плечу Анзор. – Кстати, а поторговаться – это мысль, да. Если он начальную цену такую выставил, то, значит, его вполне можно раскрутить кусков на полтора ста...

Звонить решили в обед из сквера.

– Главное, – веско сказал Анзор, – это говорить недолго. Минуту, может, две, да. А то засекут и отследят.

Они дождались, пока в сквере никого не осталось, затем Анзор вставил в свой телефон новую «симку», подсоединил гарнитуру «hands free» с двумя наушниками (ну, которая нужна для того, чтобы мобильник работал в виде радиоприемника), сунул один наушник Даньке, набрал номер и, откашлявшись, прижал трубку к уху.

Довольно долго никто не отвечал. Анзор уже хотел было дать отбой, но тут в наушнике зашуршало и вслед за этим раздался негромкий мужской голос:

– Аллю...

– Э-э, – чуть севшим от волнения голосом начал Анзор, – я бы хотел поговорить с Артуром Александровичем.

– Минуточку... – ответила трубка. Анзор, воспользовавшись паузой, оторвал ее от уха (хотя зачем он там ее держал, наушник же...) и вытер внезапно вспотевший лоб. Данька облизал пересохшие от волнения губы.

– Я слушаю. – В голосе мужчины явственно ощущался какой-то акцент. Как потом вспоминал Данька, с таким же акцентом говорил и человек, первым взявший трубку.

– Я... по поводу того лота на «eBay», – чуть заикнувшись, начал Анзор.

– А-а, страница из Ипатьевской летописи. Вы очень своевременно разместили предложение, молодые люди, – рассмеялся Артур Александрович, – я как раз в прошлом месяце приобрел на аукционе тот самый список из собрания князей Юсуповых, о котором известно, что он без одной страницы. А тут мой поверенный сообщает мне, что кто-то выставил на «eBay» как раз недостающую страницу. Надеюсь, она в хорошем состоянии. Без повреждений и помарок?

– Да-да, конечно, – быстро закивал Анзор, как будто собеседник мог его видеть, – в отличном... ну, насколько это возможно для столь старой вещи, да. Но я бы хотел поговорить о цене.

– О цене? – удивился Артур Александрович, – мне казалось, что это более чем приличная цена. Особенно по сравнению с той, что назначили вы.

– Ну... да, конечно, – слегка стушевался Анзор, но тут же взял себя в руки, – только, сами понимаете, вещь уникальная... в единственном, можно сказать, экземпляре, да.

Трубка несколько мгновений помолчала, а затем Артур Александрович мягко, но непреклонно произнес:

– Молодые люди, здесь я диктую условия. Если вас не устраивает цена, что ж... ищите другого покупателя. Только прошу заметить, что ваша страничка никому, кроме обладателя этого списка Ипатьевской летописи, то есть меня, не нужна. И вы ее никому не продадите даже за значительно меньшую цену. Если честно, то и эта цена сильно завышена. Просто я очень обрадовался и не подумал... но поскольку у меня нет привычки менять свое решение... – он вновь помолчал, а затем все так же мягко спросил: – Ну так как, вы согласны на эту цену?

Анзор в который раз вытер пот и глухо произнес:

– Да.

– Прекрасно, тогда привезите ее...

– Нет, – вскинулся Анзор, – у нас есть свои условия.

– Вот как... – в голосе мужчины послышалась ирония, – и какие же?

– Обмен мы произведем послезавтра, в три часа дня, у нового выхода из метро «Маяковская». Ни в какие машины мы садиться не будем. Вы приносите деньги – мы проверяем и потом отдаем вам товар. Если нас что-то не устроит или покажется опасным, то мы к вам не подойдем, да. Так и знайте.

Мужчина несколько секунд помолчал. Причем Даньке показалось, что он просто боролся с приступом смеха.

– Ну что ж... если вам так будет удобнее – пожалуйста. Мне обязательно приходиться одному или можно взять с собой шофера и юриста?

– А... юриста зачем? – удивился Анзор.

– Ну... вы так серьезно подходите к нашей сделке, что я тоже решил на всякий случай подстраховаться и взять с вас расписку о том, что деньги вы получили. А вдруг потом объявите в Интернете, что я вас обманул, денег не заплатил, а лот отобрал силой. И что мне тогда делать?

По мнению Даньки, этот Артур Александрович уже просто издевался над ними, но Анзор только важно кивнул:

– Ладно, берите.

– И еще, – продолжил Артур Александрович уже более серьезным тоном, – я требую, чтобы на сделке присутствовали все, кто имеет отношение к этому лоту.

– Все и будут, – подтвердил Анзор.

– Вы меня не поняли, – пояснил Артур Александрович, – я имею в виду не только тех, кто имеет право на долю в уплаченной сумме, но всех, кто знает о самом документе.

– А никто больше и не знает, – легкомысленно отозвался Анзор, – только мы двое... – и тут же испуганно дернулся. Сам же все уши прожужжал Даньке, что главное в деловых переговорах не выдать лишней информации, и вот на тебе, сам же и раскололся, что их всего двое...

– Хорошо, – ответил Артур Александрович. – Тогда я жду, – и дал отбой.

Анзор обессиленно опустил руку с телефоном.

– Да уж... я аж весь взмок. Ну, силен мужик. Как он меня обрезал, когда я попытался поднять цену?!

Данька молча кивнул. Хотя он и не принимал участия в разговоре, от волнения у него спина тоже была вся мокрая.

– Хорошо хоть иностранец попался, да. Больше вероятности, что не наколет, – рассудительно заметил Анзор, – хотя все равно расслабляться не стоит.

– Угу, – кивнул Данька и напомнил: – Анзор, ты говорил, что «симку» надо...

– Ну да, – встрепенулся Анзор, – сейчас... – он завозился, отсоединяя гарнитуру и снимая заднюю крышку мобильного, чтобы выщелкнуть «симку». – Все, линияем отсюда...

На следующий день они не пошли на лекции, а отправились по магазинам выбирать, что купить, когда получат деньги. Анзор сказал, что тратить их надо быстро. А то могут посадить «хвоста» и отобрать деньги на следующий день. То есть от хвоста он, конечно, оторвется, но береженого, как говорится, Бог бережет.

Сначала Анзор с видом наследного принца вперся в дорогой бутик и заставил продавцов попотеть, перемерив едва ли не полколлекции. А когда заморенные продавцы сквозь зубы поинтересовались финансовой состоятельностью покупателя, он небрежно сквозь зубы бросил:

– Заверните все, что я отложил. Я пришлю своего шофера.

Данька только восхищенно ахнул. Он бы так не смог, даже уже имея пятьдесят косых в кармане. Он так Анзору и сказал. А тот только самодовольно улыбнулся и наставительно заметил:

– Надо привыкать к обеспеченной жизни, да. Затем они прошвырнулись по Столешникову и окрестным переулочкам и часа через два вышли на Тверскую. Вот там Анзор развернулся по-крупному. Туфли, очки, сорочки, костюмы, джинсы, портфели для деловых бумаг и дорожные сумки, дорогие коньяки и сигары, трубки, запонки, перстни, ручки с золотыми перьями – все мелькало перед глазами Даньки нескончаемым потоком. И Анзор ориентировался во всем этом как рыба в воде. Судя по его размаху, он мог бы потратить за один день не сто тысяч баксов, а как минимум миллион...

В общагу они возвращались уже около десяти, обсуждая, кому что понравилось.

Кроме тряпок, Анзор присмотрел спортивный «мерс» с откидным верхом, а Даньке больше приглянулась новая пятерка БМВ. Ему так понравились удобные кожаные кресла и оплетка руля...

Вечером, уже лежа в постелях, они еще долго обсуждали все увиденное за день, а так же, как они будут жить, когда получат деньги. Итог подвел Анзор:

– Все это чепуха. Я тебе другое скажу, да. Ничего мы завтра покупать не будем... ну почти.

– Это почему? – удивился Данька.

– Потому что линять отсюда надо, да.

– Как? – не понял Данька.

– Не как, а совсем... из страны линять. Лучше всего в Америку, да. На первое время денег хватит, а потом выучим язык и устроимся. Дело свое откроем, да. Здесь все равно ничего путевого быть не может. Мой двоюродный дядя еще двадцать лет назад уехал – теперь уже миллионер. Родне помогает, да. Знаешь, какая у него вилла во Флориде? Так он считай без гроша уехал, а у нас такие бабки будут... – и Анзор мечтательно зажмурил глаза.

Данька поежился. Уезжать? Из страны? Совсем?.. А как же мама? Но возразить ничего не решился. Да и что возражать. Надо было еще дождаться, пока наступит завтра...

Интермеццо 2

– Что ж, господа, должен с удовлетворением сообщить, что, похоже, наши с вами дела выходят на финишную прямую... – Генерал, заложив руки за спину, мерным, неторопливым шагом двигался вдоль длинного стола, за которым сидели его подчиненные.

Стол был установлен в застекленном эркере, с одной стороны примыкавшем к кухне, с другой – к просторной гостиной с камином, площадью почти шестьдесят квадратных метров. Это была так называемая «зона столовой», кусок огромного общего пространства, начинающегося от плиты и заканчивающегося дверями кабинета или спальни, которое так любят устраивать в современных домах модные дизайнеры. Что ж, со стороны выглядит неплохо и может быть вполне приемлемо, если питаться в ресторанах и использовать кухню, непременно набитую самым современным оборудованием, только для того, чтобы время от времени сварить себе чашечку кофе. А вот если использовать ее по назначению, то вскоре все портьеры и обивка всей мебели на всем этом роскошно-открытом пространстве пропитаются запахами разогретого масла, жира и тушеной капусты. Либо еще каких-то блюд, которым отдают предпочтение хозяева столь модного жилища. Короче, амбре в гостиной будет еще то...

Впрочем, генерала эти проблемы вовсе не касались. Один из двух снятых группой рекогносцировки пентхаузов был полностью отдан в его распоряжение под, так сказать, оперативный штаб. Это не означало, что генерал все время разгуливал по нему в банном халате и шлепанцах на босу ногу и скучающе пялился в один из четырех плазменных экранов, развешанных на кухне, в гостиной, библиотеке и большой спальне. Отнюдь. В этом пентхаузе все время толпились люди, мерцали экранами полдюжины компьютеров, постоянно звонили телефоны.

Но спальное место было только для одного. Для самого генерала. Все остальные спали в соседнем пентхаузе. Так вот, в том пентхаузе, где квартировал генерал, ничего не готовили. Кроме разве кофе и кое-каких матэ. Всю еду доставляли из ресторана, расположенного на втором этаже этого огромного дома. Местная кухня, к удивлению генерала, оказалась вполне приемлемой, так что даже он, со своим слабым желудком и выработанной многими годами недостатка гастрономической привередливостью, смог подобрать из ресторанного меню несколько блюд по своему вкусу...

Но вполне возможно, вскоре весь этот пусть и довольно благоустроенный, но все-таки несомненно походный быт должен был уже остаться в прошлом. И генерал сейчас говорил именно об этом.

– ...оперативно-розыскные мероприятия увенчались успехом, – генерал остановился у застекленного эркера и замолчал, разглядывая панораму ночной Москвы, расцвеченной мириадами огней. Отсюда, с двадцать восьмого этажа, открывался изумительный вид. Конечно, этому виду было далеко до огромных, переполненных вздымающимися ввысь колоннами сотнеэтажных небоскребов с рекламными световыми табло в полнеба панорам родных генералу городов. Но в этой провинциальности было и какое-то свое очарование.

Генерал развернулся к столу.

– Завтра, господа, мы проводим операцию, которая должна завершить нашу миссию. На первый взгляд она хорошо подготовлена и не представляет трудности. Однако должен заметить, что наши противники – *русские*. – Генерал сделал паузу и окинул подчиненных орлиным взглядом, вкрадчиво добавив: – Надеюсь, все детально ознакомились с легендой и прилагаемыми к ней материалами, так что ни у кого не возникнет проблем с терминологией...

Все преданно ели начальника глазами.

– Так вот, напоминаю, что нам придется иметь дело с русскими, а они, как нам известно из истории человечества, всегда считались сложным противником. Способным спутать все,

даже самые тщательные и хорошо продуманные расчеты. Так что я призываю вас не расслабляться и быть предельно собранными. Наша страна ждет от нас только успеха... Вопросы?

Ответом ему было молчание.

– Что ж, господа, тогда не смею вас задерживать. Напоминаю, время начала операции – пятнадцать часов, время готовности к ней – четырнадцать, время выезда – двенадцать ровно. Сами знаете здешние пробки...

Когда генерал остался один, он еще раз подошел к эркеру и бросил взгляд на город. Несмотря на всю убежденность, которую он демонстрировал перед подчиненными, уверенности в завтрашнем успехе он не чувствовал. Уж слишком многое было против... Но не будешь же говорить подчиненным в момент постановки задачи, что предчувствуешь неудачу, а то, не ровен час, на самом деле накликаешь беду. К тому же, чем черт не шутит, может, все его предчувствия – пустые страхи человека, испытавшего на своем жизненном пути множество неудач. И завтра все пройдет, как здесь говорят, без сучка без задоринки. Ответ на это мог дать только завтрашний день...

5

– Ну что, готов, да?

Анзор окинул Даньку внимательным взглядом. Тот пожал плечами и, стиснув зубы, кивнул, постаравшись, чтобы это выглядело гордо и сурово. Получилось не очень...

К мероприятию они готовились все утро. Анзор спозаранку убежал куда-то, поручив Даньке «привести вещь в порядок». Что означало – смыть те корявенькие буквы, что были нацарапаны поверх книжного текста. Ведь покупатель ясно заявил, что его интересует только первоначальный текст, а пометки, наоборот, не обрадуют. Причем Анзор поставил задачу таким тоном, что Данька понял, что возражений тот не потерпит. Поэтому он покорно кивнул.

– Ты это, – чуть смягчившись, когда ожидаемое сопротивление не последовало, посоветовал Анзор, – лучше сгоняй в гастроном и возьми бутылку водки. И спичек, да. Заточишь спичку, капнешь на нее водкой и смочишь линию. А потом аккуратненько, ваточкой, промокнешь, да. А то как бы водой основной текст не повредить...

Данька честно сходил за водкой, спичками и ватой, нехотя подготовил себе рабочее место на столе, развернул листок и... понял, что ни за что на свете не будет этого делать...

Анзор появился в два часа, когда Данька уже начал волноваться.

– Ты где был?

Анзор окинул хозяйским взглядом стоявшую на столе бутылку водки, вату, спички, нож, одобрительно кивнул и уточнил:

– Все получилось?

У Даньки не хватило духа признаться, что он так и не решился прикоснуться к тексту, поэтому он лишь молча кивнул.

– Молодец, да, – похвалил Анзор и, вытащив из кармана какой-то фломастер и странное устройство с трубочкой газоразрядной лампы сиреневого цвета, показал их Даньке.

– Детекторы валют искал. Вот это, – он поднес к Данькиному носу фломастер, – детектор бумаги. Если бумага поддельная – тут же меняет цвет, да. А это – ультрафиолетовая лампа. Еле достал...

На «Маяковскую» они приехали минут за пятнадцать до указанного срока. Анзор отчего-то посчитал, что приходить так рано не солидно, и они еще почти десять минут выписывали круги по станции, ожидая, пока выйдет время...

Артура Александровича они увидели сразу. Он стоял прямо напротив выхода из метро весь из себя такой не наш – в элегантном белом плаще, шикарных очках в золотой оправе с затененными стеклами и с причудливо изогнутой трубкой в левой руке. Рядом с ним, держа над его головой черный зонт с полированной деревянной ручкой, топтался какой-то мужик, так же неплохо одетый, но на фоне Артура Александровича слегка терявшийся. То есть они с Анзором, конечно, точно не могли знать, что этот мужчина и есть тот самый Артур Александрович, но кем, скажите на милость, он еще мог бы быть?

Он их тоже вычислил сразу. Во всяком случае, едва они вышли из дверей, как взгляд Артура Александровича, до того момента рассеянно скользивший по потоку машин, едва ползущих по Тверской, тут же обратился в их сторону и на его губах заиграла приветливая улыбка.

Данька поежился. Выражение лица изменилось так резко, как будто Артур Александрович просто повернул внутри себя какой-то выключатель...

– Добрый день, молодые люди, очень рад вас видеть.

Анзор солидно пожал протянутую ему руку, а Данька, в свою очередь, торопливо коснулся ладони и отступил назад, чуть за спину Анзора. Взял на себя переговоры – вот пусть и отдувается...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.